

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
_____
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность
_____
(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Оперативно-розыскная деятельность
_____
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Форма вины и ее значение для квалификации преступлений»

Студент

Е.Р. Бочкарева

(И.О. Фамилия)

_____
(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, Р.В. Закомолдин

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Аннотация

Актуальность: игнорирование форм вины, существенно снижает эффективность уголовного наказания, так как дифференциация уголовных наказаний нуждается в дифференцированной оценке совершаемых преступлений, при которой не последняя роль принадлежит институту вины в целом.

Объект исследования - общественные отношения, возникающие в процессе совершения общественно-опасного деяния, характеризующие личностное отношение субъекта к совершенному преступлению и его последствиям. Предмет исследования - нормы действующего уголовного закона, закрепляющие формы вины.

Цель выпускной квалификационной работы – комплексный теоретико-правовой анализ форм вины в соответствии с нормами действующего Уголовного кодекса Российской Федерации и выявить проблемы, возникающие в правоприменительной практике в процессе квалификации преступлений в части установления формы вины.

Задачи: рассмотрение доктринального учения о вине; анализ форм вины в уголовном законодательстве и теории уголовного права; исследование видов умысла в уголовном законодательстве и определение их значения для квалификации преступлений; рассмотрение видов умысла в теории уголовного права и определение их значения для квалификации преступлений; определение особенностей преступлений с двумя формами вины; исследование преступного легкомыслия; анализ преступной небрежности; определение значения неосторожной формы вины для квалификации преступлений.

Структура выпускной квалификационной работы: введение, четыре главы, заключение, список используемой литературы и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая уголовно-правовая характеристика вины и ее формы.....	8
1.1 Учение о вине в отечественном уголовном праве.....	8
1.2 Формы вины в уголовном законодательстве и теории уголовного права.	17
Глава 2 Умысел и его значение для квалификации преступлений	26
2.1 Виды умысла в уголовном законодательстве и их значение для квалификации преступлений	26
2.2 Виды умысла в теории уголовного права и их значение для квалификации преступлений.....	34
2.3 Умышленные преступления с двумя формами вины	40
Глава 3 Неосторожность и ее значение для квалификации преступлений.....	55
3.1 Преступное легкомыслие и преступная небрежность.....	55
3.2 Значение неосторожной формы вины для квалификации преступлений .	64
Глава 4 Смешанная форма вины в уголовном праве и ее значение для квалификации преступлений	72
Заключение	80
Список используемой литературы и используемых источников	86

Введение

Актуальность темы исследования. Ежегодно регистрируется более 2 млн. преступлений. Так, по данным официальной статистики за январь-декабрь 2020 г. было зарегистрировано 2044,2 тыс. преступлений, что на 1,0% больше, чем за аналогичный период прошлого года [77]. Только за январь - март 2021 г. зарегистрировано уже 501,6 тыс. преступлений [78]. Приведенные данные вызывают обеспокоенность о раскрытии совершенных преступлений, которая желает оставить лучшего. Важное значение в процессе раскрытия преступлений имеет квалификация преступного деяния, одним из обязательных элементов состава которого является субъективная сторона. При этом, центральным институтом уголовного права является вина, учение о которой связано с предупреждением преступлений и строгостью наказаний.

Особое значение имеют формы вины, устанавливающие разницу между умышленными и неосторожными деяниями, а также обуславливающие различную степень вероятности наступления вредных последствий. Именно конструкция форм вины с одной стороны, позволяет судить о сложности обнаружения правоохранительными органами совершенного заранее обдуманного и запланированного деяния. С другой стороны – несмотря на повышенную криминогенность преступлений, совершенных по неосторожности, угроза наказанием не является эффективной и не ведет к сокращению таких преступлений. В целом, игнорирование форм вины, существенно снижает эффективность уголовного наказания, так как дифференциация уголовных наказаний нуждается в дифференцированной оценке совершаемых преступлений, при которой не последняя роль принадлежит институту вины в целом.

Однако, на практике не всегда проводится надлежащий анализ психологического механизма поведения человека, что связано с восприятием современной наукой уголовного права вины как абстрактной конструкции, независимой от объективных элементов состава преступления и

базирующейся на индивидуальном переживании лица, совершающего преступление. Все это осложняет разрабатываемые учеными теоретические конструкции вины применять на практике применительно к конкретным деяниям.

Сложность и многогранность вины, как самостоятельной научной категории, включающей в себя философские, морально-этические, психологические и юридические аспекты по сей день вызывает в науке ряд дискуссионных вопросов, к числу которых относится и вопрос о формах вины.

Так, по некоторым составам преступлений ученые не достигли согласия относительно форм вины. Речь, к примеру, идет о нарушении правил оборота наркотических средств, убийство матерью новорожденного ребенка и ряд других преступлений.

В процессе квалификации преступлений в части форм вины возникают такие вопросы, как:

- квалификация преступлений, совершенных с прямым умыслом зависит от содержания и направленности умысла, а при косвенном – от фактически наступивших последствий?
- наличие в диспозиции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации специальной цели, означает ли, что такое преступление совершается только с прямым умыслом?
- влияет ли нормативный признак неосторожности в бланкетной диспозиции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации на квалификацию неосторожных преступлений?

Возникающие на практике сложности в разграничении форм вины, позволяет ученым ставить вопрос о корректировке действующего уголовного законодательства [16]. В науке поднимается вопрос о внедрении новых форм вины, критикуются отдельные виды форм вины, осложняющие раскрытие и квалификацию преступлений [9].

Так, обоснованной критике подвергается законодательное определение небрежности как вида неосторожной формы вины, которое не соответствует

принципу субъективного вменения. Сомнения вызывает законодательное определение легкомыслия и его соответствие сущности неосторожной формы вины.

Одной из остро дискуссионных форм вины, является двойная форма вины. Законодательным проблем следует признать отсутствие двойной формы вины в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, несмотря на наличие в Общей части Кодекса статьи 27, предусматривающей такую форму вины. Кроме того, на практике возникают сложности не только с квалификацией двойной формой вины, но и с назначением наказания, которое зачастую при данной форме вины не отвечает принципу справедливости.

Таким образом, все выше изложенное обосновывает актуальность и важность исследования темы настоящей выпускной квалификационной работы – «Форма вины и ее значение для квалификации».

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе совершения общественно-опасного деяния, характеризующие личностное отношение субъекта к совершенному преступлению и его последствиям.

Предметом исследования являются нормы действующего уголовного закона, закрепляющие формы вины.

Цель исследования – провести комплексный теоретико-правовой анализ форм вины в соответствии с нормами действующего Уголовного кодекса Российской Федерации и выявить проблемы, возникающие в правоприменительной практике в процессе квалификации преступлений в части установления формы вины.

Задачи исследования, решение которых позволяет достигнуть поставленной цели:

- анализ доктринального учения о вине;
- анализ форм вины в доктрине и в уголовном законе;

- анализ видов умысла по УК РФ и определение их значения для квалификации преступлений;
- анализ видов умысла в теории уголовного права и определение их значения для квалификации преступлений;
- анализ преступного легкомыслия и преступной небрежности;
- анализ роли неосторожности для квалификации преступлений;
- анализ преступлений с двумя формами вины и смешанной вины.

Методологическая база исследования представлена комплексом методов научного познания. При разработке основных положений исследования использовались диалектический метод познания, метод объективного и всестороннего анализ, системный и формально-логические методы исследования.

Теоретическая база исследования. Проблема вины и форм вины является одной из активно исследуемых и обсуждаемых тем доктрины уголовного права. В работе использованы труды ученых, таких как: О.Н. Библик, Г.В. Вериной, Л.Д. Гаухмана, П.С. Дагеля, А.Т. Дугина, М.И. Еникеева, С.А. Иванова, А.Н. Игнатова, Н.Г. Кадникова, Г.А. Кригер, В.А. Нерсеяна, Б.С. Утевского, В.А. Якушина и др.

Нормативная база исследования: Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ.

Практическая база исследования: данные официальной статистики, примеры судебной практики, акты судебного толкования.

Структура выпускной квалификационной работы определена в соответствии с целью и задачами исследования и включает введение, три главы, семь параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая уголовно-правовая характеристика вины и ее формы

1.1 Учение о вине в отечественном уголовном праве

Определение понятия вины в теории уголовного права является одной из многоаспектных проблем, которая разрабатывалась еще дореволюционными учеными.

К примеру, Н.С. Таганцев сущность вины, связывая с психической деятельностью человека, видел в дефекте, упречности воли, которая как раз и является частью психики человека [81, с. 277].

Советские ученые по большей части сущность вины определяли через ее формы.

Так, А.А. Пионтковский полагал, что вина выражается в преступлении посредством умысла или неосторожности [40, с. 260].

Как порицаемое «психическое в форме умысла или неосторожности отношение лица к совершаемому или общественно опасному деянию и его последствиям» [83, с. 9], определяли вину Е.В. Ворошилин и Г.А. Кригер.

А.Н. Трайнин считал вину родовым понятием умысла и неосторожности [83, с. 195].

Среди современных исследователей, тоже можно найти определение вины посредством ее форм.

В частности, А.И. Рарог считает, что вина представляет собой психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому деянию и его последствиям [74, с. 74].

А.Н. Игнатов при формулировании понятия вины исходит из того, что «определение вины должно содержать ее юридические признаки и социальную сущность и отражать основные черты, характеризующие преступление и служащие основаниями уголовной ответственности» [28, с. 124]. В результате ученый предлагает под виной понимать

«психическое отношение субъекта к своим действиям (бездействию) и их последствиям, свидетельствующее об общественной опасности данного лица» [28, с. 125].

В.А. Нерсесян, рассматривая вопрос о необходимости легального закрепления понятия вины, определяет ее как «предусмотренное уголовным законом психическое отношение человека в форме умысла или неосторожности к совершаемому им преступному деянию и его общественно опасным последствиям, выражающее негативное отношение к принятым в обществе ценностям» [48, с. 25].

В.А. Якушин под виной понимает также «психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному и уголовно-противоправному деянию, выраженное в определенных законом формах, раскрывающих связь интеллектуальных, волевых и чувственных процессов психики лица с деянием и являющихся в силу этого основанием для субъективного вменения, квалификации содеянного и определения пределов уголовной ответственности» [98, с. 122]. Однако, кроме легально-определенной категории вины, В.А. Якушин выводит общетеоретическое ее понятие как связь внутреннего мира человека с совершаемым противоправным деянием в виде психического отношения к нему в определенных формах и являющаяся основанием субъективного вменения, квалификации содеянного, определения содержания и пределов уголовной ответственности за это деяние [98, с. 122].

С.А. Иванов предлагает достаточно объемное определение вины как общетеоретической категории, имеющая этическую, юридическую и социальную природу, являющаяся обязательным признаком субъективной стороны преступления и выражающая психическое отношение субъекта к совершаемому преступлению [27, с. 21].

В науке можно встретить и другие определения вины, например как:

- «совокупность интеллектуальных процессов относительно объективных признаков преступления» [80, с. 3];

- «психическое содержание противоправного действия вменяемой личности, выраженное в несоответствии ее целей и побуждений, способов и результатов нормам права» [24, с. 79];
- «свободно избранное решение о совершении деяния, образующего умышленное или неосторожное преступление» [90, с. 125];
- «степень осознания лицом характера и содержания совершаемых им действий и их последствий, определяемая судом на основе собранных, проверенных и оцененных доказательств» [76, с. 74].

Проведенный краткий обзор понятия вины, позволяет сделать вывод о том, что вина в уголовно-правовой литературе не имеет общепризнанного научно обоснованного определения. И это несмотря на то, что она является центральным звеном в привлечении лиц к уголовной ответственности за преступления. В настоящее время имеется множество дефиниций этого понятия. Однако все они пока не вносят необходимой ясности и однозначности в понимание сущности данного явления. И это, конечно же, не способствует укреплению законности в уголовном судопроизводстве.

В целом, что бы разобраться с тем, что представляет собой вина, в современной науке уголовного права, можно выделить две группы теорий:

- первая теория выявляет соотношение вины и субъективной стороны преступления;
- вторая теория обосновывает различные подходы к определению вины.

Рассматривая соотношение понятий «вина» и «субъективная сторона преступления», одни ученые отождествляют данные категории [18, с. 78], другие считают, что первое шире второго [88, с. 53], по мнению третьих, наоборот, вина является более узким понятием в сравнении с субъективной стороной преступления [14, с. 141]. Именно третья теория является доминирующей в доктрине уголовного права.

Что касается теорий о различных подходах к определению вины, то можно выделить три концепции:

- теория опасного состояния;
- психологическая теория;
- оценочная теория [96, с. 8].

Примечательным в рамках первой из этих концепций является приводимое уже выше представление А.Н. Игнатова о вине, которую он определяет как «психическое отношение субъекта к своим действиям (бездействию) и их последствиям, свидетельствующее об общественной опасности данного лица» [28, с. 123]. Такое определение вины, по мнению автора, обусловлено тем, что в преступлении «объективные признаки характеризуют деяние», а «субъективные признаки характеризуют лицо, совершившее преступление, т.е. субъекта преступления» [28, с. 123].

Рассуждая подобным образом, А.А. Игнатов лишает деяние его субъективной стороны. Последнюю, согласно этому определению, следует понимать как психическое явление, пребывающее исключительно в границах субъекта и наделяющее тем самым его самого якобы изначально присущей ей общественной опасностью.

Между тем, как правильно указано в законе, преступное деяние имеет не только объективную, но и субъективную сторону. В момент фактического совершения данное деяние представляет собой последовательную череду развернутых во времени и в пространстве превращений мысленных или идеальных частей субъективной стороны преступления в соответствующие им внешние материальные части объективной стороны преступления. При этом каждое последующее такое превращение происходит на основании результатов предшествующих ему превращений.

Изложенное свидетельствует о том, что в момент фактического совершения преступления его субъективная сторона уже не принадлежит субъекту. В этот момент она уже не часть субъекта, а часть совершаемого им преступного деяния, объективная сторона которого является ее материальным воплощением или ее материальной копией в наличной внешней среде.

Из этого следует также вывод о том, что в преступлении, как и в любом ином сознательно совершаемом деянии, отдельные части его субъективной стороны встроены в соответствующие им части объективной стороны. И наоборот. Отдельные части объективной стороны встроены в отдельные части его субъективной стороны.

Можно также сказать и другое. А именно то, что каждая очередная часть состоявшейся объективной стороны преступления, с одной стороны, является результатом материального воплощения или реализации в ней предшествующей мысленной части субъективной стороны преступления. С другой стороны, эта же часть объективной стороны преступления является основанием для следующей части субъективной стороны преступления, реализуемой в очередной материальной части объективной стороны преступления [23, с. 313].

Таким образом, субъективная сторона преступления как неотъемлемая часть осознанно совершаемого деяния наделяет общественной опасностью не субъекта как такового, а его деяние, запрещенное по этой причине Уголовным кодексом. Условно взятая сама по себе, т.е. без фактической ее реализации в объективной стороне преступления, субъективная сторона не несет в себе общественной опасности и вообще субъективной стороной преступления не является. В этом качестве она представляет лишь не опасный для общества голый умысел, не имеющий в связи с этим уголовно-правового значения.

В рамках психологической концепции вина дается как обобщенное представление о последовательности частных дискретных превращений мысленной субъективной стороны преступления в соответствующие материальные фрагменты объективной стороны преступления. Поэтому чаще всего вина в этой концепции формулируется как «психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям в форме умысла или неосторожности» [46, с. 206]. Однако с учетом указанных обобщений и последовательно совершаемых превращений было бы более правильным определять вину как отношение

субъективной стороны преступления к его объективной стороне или как отношение умысла или неосторожности к их материальному воплощению в объективной стороне преступления.

Недостатки психологической концепции вины на этом не заканчиваются. Дело в том, что вся последовательность рассмотренных выше превращений не существует в наличной действительности в полном ее составе. Она возникает в ней по частям и по этим же частям практически сразу из нее исчезает.

Это означает, что вина как часть субъективной стороны преступления никогда не появляется в настоящем времени как одно единое целое. К тому же сразу после очередного частичного своего возникновения в настоящем она в этой же состоявшейся части безвозвратно исчезает в прошлом вместе с материальным своим воплощением, т.е. вместе с определившей ее частью объективной стороны преступления. Поэтому, если вина как обобщенно взятая часть субъективной стороны преступления и ее обобщенное материальное основание – объективная сторона преступления отсутствуют в настоящем времени, то тогда в этом времени нет и непосредственных оснований для применения уголовного наказания к субъекту данного преступления.

Но, вопреки этому, такое наказание этому субъекту все же назначается. В ч. 1 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ) [87] однозначно утверждается, что «наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления». Виновность же лица имеет место только тогда, когда она в соответствии со ст. 49 Конституции РФ «будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Приговор суда постановляется в настоящем времени, тогда как преступление и, соответственно, вина в его совершении находятся в непосредственно недоступном для суда прошлом. Поэтому сразу возникает

вопрос, каким же способом суду удастся проникнуть в субъективную сторону преступления непосредственно в момент его совершения и на каком же фактически существующем в настоящем времени материальном основании он признает лицо виновным в его совершении?

Объективная невозможность непосредственного материального проникновения в прошлое вынуждает суд делать это опосредовано, рассматривая и оценивая содержание материалов уголовного дела, созданных уголовно-процессуальной деятельностью по результатам обнаружения и изучения следов этого преступления в настоящем времени. В этих материалах дается интеллектуально созданная указанной деятельностью и словесно обозначенная модель совершенного в прошлом деяния, квалифицированная по соответствующим статьям Уголовного кодекса. Устанавливая соответствие данной модели имеющимся в деле уголовно-процессуальным доказательствам совершения в прошлом общественно опасного деяния, запрещенного Уголовным кодексом, суд выносит по делу приговор, обвиняющий лицо в совершении преступления и назначает ему уголовное наказание адекватное содеянному.

Учитывая это, В.В. Набойченко правильно отмечает, что вина – это «не только психологическая, но и оценочная категория» [45, с. 197]. Подтверждая данную мысль, Г.В. Верина уточняет, что «вина – это не только умысел и неосторожность, но и отрицательная оценка от имени государства всех объективных и субъективных признаков, характеризующих преступление и преступника» [12, с. 331].

Изложенное показывает, что юридически значимая вина в совершенном преступлении на момент привлечения лица к уголовной ответственности возникает не в фактически совершенном и объективно недоступном для суда общественно опасном и противоправном деянии прошлого. Впервые в названном качестве она появляется в настоящем времени в материалах уголовного дела в виде интеллектуально созданной уголовно-процессуальной модели данного деяния, квалифицированной по соответствующим статьям УК

РФ. В окончательном уголовно-правовом варианте она дается во вступившем в законную силу обвинительном приговоре суда, подтвержденном другими материалами уголовного дела.

В этом уголовно-процессуальном и уголовно-правовом оформлении вина полностью вписывается в содержание указанной выше оценочной концепции вины в уголовном праве. Характерным в этом отношении является высказывание одного из наиболее последовательных ее сторонников С.М. Складова. Он, в частности, отмечает, что «на момент судебного разбирательства вина в форме умысла или неосторожности уже не существует: умысел завершил свой путь вместе с преступлением и как психический процесс в голове преступника подлежит реконструкции по объективным следам. Вина ретроспективно познается судом как объективный факт и подлежит оценке по масштабам своего законодательного определения» [94, с. 19].

Соглашаясь с этими доводами, все же следует отметить, что «реконструированная по объективным следам» вина не могла бы стать предметом судебного разбирательства при отсутствии в прошлом фактического прототипа этой реконструкции. Другими словами, если бы не было в прошлом самого факта преступного деяния, то в настоящем времени не было бы и его «объективных следов». Не было бы этих следов, не было бы и реконструкции деяния и ее квалификации по статьям Уголовного кодекса, а значит, не было бы и самой уголовно-правовой вины.

Исходя из изложенного, можно сделать следующий вывод. В теоретическом плане уголовно-правовая вина есть отношение. Оно состоит из материального и, одновременно, интеллектуального тождества между умышленным или неосторожным общественно опасным и противоправным деянием прошлого и его представленной в уголовно-процессуальной форме уголовно-правовой моделью, данной во вступившем в законную силу приговоре суда. В этом теоретическом определении вины фактическое ее содержание – противоправное общественно опасное деяние прошлого

объективно не имеет к себе непосредственного материального доступа как со стороны индивидуальных, так и коллективных субъектов, включая лиц их совершивших и государство, запретившее его совершение под угрозой уголовного наказания. Это означает, что в практическом плане в настоящем времени уголовно-правовая вина лица в совершенном им преступлении может быть представлена ему самому, государству и обществу в целом только одной стороной данного тождества. А именно – ее уголовно-процессуальной и уголовно-правовой моделью представленной во вступившем в законную силу обвинительном приговоре суда, подтвержденном другими, соответствующими ему материалами уголовного дела.

В заключение рассмотрения учения о вине, следует обратить внимание на то, что социальная сущность вины заключается в умышленном или неосторожном психическом отношении к уголовно-охраняемым объектам, проявившееся в конкретном преступлении. Степень вины является одним из основных ее показателей. В настоящее время уголовное законодательство не содержит понятие степени и сущности вины, в связи с чем данный признак носит теоретический характер. Разработка данного признака имеет и определенное практическое значение в связи с тем, что в судебной практике данное понятие используется широко. Однако для возможностей использования признака степени вины в практике в полной мере необходимо конкретизировать его и разработать показатели объективного характера.

Данному признаку значительное внимание уделялись многими учеными в области уголовного права, однако единого подхода к определению степени вины с учетом объективных критериев и задач судебной практики так и не выработано. По своей сути степень вины представляет собой количественную характеристику социальной сущности вины. На степень вины через содержание ее формы оказывают влияние и особенности объекта и объективной стороны, а порой и особые свойства предмета.

Обобщая все вышеизложенное, можно предложить следующее полное определение вины: «Вина - это психическое отношение лица в форме умысла

или неосторожности к совершаемому общественно опасному деянию, в котором проявляется его асоциальная установка о важнейших социальных ценностях».

В УК РФ определения вины не содержится, но представляется необходимым закрепить его в нормах уголовного законодательства в ст. 24 УК РФ в следующем виде:

«Под виной в настоящем Кодексе понимается психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и к тем общественно опасным последствиям, которые наступили в результате его совершения или могли наступить».

Представляется, что именно в такой форме целесообразно закрепить его в УК РФ, поскольку данная конкретная формулировка позволит решить все дискуссионные вопросы, касающиеся вины.

1.2 Формы вины в уголовном законодательстве и теории уголовного права

Содержание вины как уголовно-правовой категории конкретизируется в таких категориях, как формы, сущность, степень вины. При этом, содержание вины выражается только в формах вины, вне которых вина, как категория уголовного права не может существовать [27, с. 56].

В данной части настоящей выпускной квалификационной работы, что бы раскрыть понятие «формы вины» как самостоятельной категории уголовного права, необходимо рассмотреть следующие вопросы: установление формы вины в конкретных составах преступлений; выделение признаков формы вины как уголовно-правовой категории; определение юридического значения форм вины; установление количества форм вины, которые необходимо закрепить в уголовном законе; выработка критериев, разграничивающих формы вины между собой; формулировка понятия формы вины.

Составляющими понятия «форма вины» являются такие категории, «форма» и «вина».

Форма является философской категорией, означающая:

- внутреннюю организацию, способ связи элементов внутри системы;
- способ существования и выражения содержания.

Опираясь на многочисленные определения «формы», существующие в философской науке, можно прийти к выводу о том, насколько богата теория уголовного права понятиями формы вины. Однако на самом деле это далеко не так. Только немногие ученые, рассматривающие этот вопрос, давали четко сформулированные определения форм вины.

Так, например, удачное определение формы вины дает в своих работах А.И. Рарог: «закрепленное в уголовном законе соотношение психических элементов (сознания и воли), образующих содержание вины, т. е. различие в интенсивности и определенности интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике субъекта преступления» [74, с. 68].

А. Стрельников вообще считает, что применять категорию «форма» по отношению к вине нельзя. Обосновывая свою позицию, он пишет, что «умысел и неосторожность на основании статьи 24 УК РФ считаются формами вины. Такое их название вряд ли можно считать точным. Дело в том, что форма - внешняя характеристика чего-то» [80, с. 3]. Иными словами, по мнению А. Стрельникова, целесообразно, в соответствии с общесмысловым значением соответствующих слов, ст. 24 УК РФ назвать «Виды вины» [80, с. 3].

С такой позицией А. Стрельникова не представляется возможным согласиться, так как форма - это универсальная философская категория, применимая ко всем, без исключения, объектам, явлениям, процессам и отношениям, в том числе и психическим, а значит, применима и к вине. Кроме того, применение понятия формы к вине носит в известной степени условный характер, а в теории уголовного права «форма вины» является общепринятым понятием.

Определять форму вины в конкретных составах преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, можно исходя:

- из прямого указания на форму вины в тексте статьи. В соответствии с п. 2 ст. 24 УК РФ, «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». Значит, если в тексте статьи не указана форма вины в основном составе преступления или в составе с квалифицирующим последствием, вина может быть только умышленной в одних составах или же умышленной и неосторожной в других составах. А.И. Рарог считает, что для признания преступлением неосторожного деяния необходимо соответствующее указание в законе на форму вины, и возвратился к тому, что некоторые преступления могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности, а это возлагает на суды дополнительную обязанность устанавливать и указывать в приговоре форму вины, с которой было совершено такое преступление в конкретном случае [74, с 44];
- иногда прямое указание в законе имеет не только неосторожная, но и умышленная форма вины. Примером могут служить ст. ст. 105, 111, 112, 115 УК РФ;
- толкования смысла, заложенного в диспозиции уголовно-правовой нормы. Такое определение формы вины встречается, например в ст.ст. 121, 122, 127 УК РФ;
- конструкции состава преступления. Конструкция состава преступления определяет форму вины исходя из того, что в формальных составах преступлений возможен только прямой умысел. Следовательно, например, в ст. 153, 208 УК РФ вина выражается только в виде прямого умысла.

На основе работ теоретиков уголовного права, посвященных проблеме формы вины, можно ее кратко охарактеризовать следующим образом:

- форма вины - единственная категория, характеризующая вину, которая закреплена в уголовном законе;
- форма вины зависит от содержания вины и конструкции состава преступления;
- форма вины указывает на способ интеллектуального и волевого взаимодействия субъекта с объективными обстоятельствами, составляющими юридическую характеристику деяния;
- УК РФ предусмотрены две формы вины: умысел и неосторожность;
- формы вины разграничиваются интенсивностью и определенностью интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике субъекта преступления;
- форма вины имеет устойчивые, повторяющиеся признаки;
- формы вины определены законодателем и поэтому являются правовыми категориями.
- не все, входящее в содержание вины, влияет на ее форму [20, с. 12].

Значение формы вины заключается в том, что они определяют пределы виновного совершения общественно опасных деяний и квалификацию преступлений.

Форма вины в сочетании с характером и степенью общественной опасности лежит в основе законодательной классификации преступлений. В соответствии со ст. 15 УК РФ, к категориям тяжких и особо тяжких относятся только умышленные преступления.

Форма вины предопределяет условия отбывания наказания в виде лишения свободы. Согласно п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, лица, осужденные к этому наказанию за преступления, совершенные по неосторожности, а также осужденные впервые к лишению свободы на срок не свыше пяти лет за умышленные преступления небольшой и средней тяжести, по общему правилу направляются для отбывания лишения свободы в колонию-поселение, а лица,

осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, отбывают наказание в исправительных колониях общего, строгого или особого режима либо в тюрьме.

Признаки, присущие каждой из форм вины, должны участвовать в формировании общего понятия вины. Подтверждая данное значение форм вины, В.И. Ткаченко приводит следующий довод: «Вина, как и деяние, - собирательное понятие, которое, в связи с этим, должно иметь общий характер и включать в себя признаки, свойственные не каждому входящему в него виду в отдельности, а лишь те, которые присущи всем видам» [74, с. 20].

От форм вины, в соответствии с п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [57], зависит степень общественной опасности преступления.

Помимо всего вышесказанного, именно форма вины «делает категорию вины, пригодной для практического применения» [73, с. 15].

Основным критерием, разграничивающим формы вины между собой, является содержание вины. В теории уголовного права уже давно ведутся споры о том, какой элемент содержания вины, интеллектуальный или волевой, надо считать основным при разделении вины на ее формы. Одни ученые считают, что в основе разграничения форм вины лежит особенность проявления интеллектуального момента без учета воли [44, с. 157]. Другие в основу подобного разграничения кладут волевые аспекты без учета интеллектуальных характеристик психики человека [8, с. 6]. Третьи - особенность проявления интеллектуального момента и предопределяемого им волевого момента [97, с. 20]. И наконец, четвертые - различное соотношение волевого и интеллектуального моментов. Есть в науке уголовного права и такая позиция, согласно которой деление вины на ее формы следует проводить на основании ее интеллектуального содержания, складывающегося из осознания общественной значимости совершаемого и предвидения возможности причинения какого-либо вреда [11, с. 16]. Однако определение

того, какой элемент является основным при разграничении форм вины, интеллектуальный или волевой — это не главное. Важнее другое. Используя содержание вины в качестве разграничительного критерия, необходимо учитывать его многосторонность. Как нам уже известно, содержание вины имеет три стороны: психологическую, социальную и предметную. Следовательно, разграничение форм вины должно проводиться по каждой стороне отдельно. Отграничение умысла от неосторожности по психологическому содержанию вины основывается на различии их интеллектуальных и волевых элементов. Сравнивая интеллектуальный и волевой элемент умысла и неосторожности, можно установить, чем эти формы вины конкретно отличаются друг от друга.

Социальное содержание также участвует в разделении вины на формы. Антисоциальная установка, то есть отрицательное отношение субъекта к основным социальным ценностям, может иметь место только в умышленных преступлениях. Недостаточно выраженная установка, то есть недостаточно бережное и внимательное отношение лица к основным ценностям общества, присутствует только в неосторожных преступлениях. А пренебрежительное отношение виновного к важнейшим социальным ценностям - асоциальная установка, может присутствовать как в умышленных, так и в неосторожных составах преступлений. Наглядной иллюстрацией значения социального содержания в разграничении форм вины может служить высказывание Г.А Кригера: «Хотя у виновных в совершении неосторожных преступлений оказываются весьма развитыми такие свойства, как индивидуализм, недисциплинированность, эгоизм, а подчас и пренебрежительное отношение к определенным социальным ценностям и правилам предосторожности, вместе с тем у них отсутствует антиобщественная установка поведения, характерная для лиц, совершивших умышленные преступления» [37, с. 13].

Неоднократно в теории уголовного права поднимался вопрос о существовании третьей формы вины. При этом для закрепления в уголовном законе этой формы вины предлагалось:

- объединить косвенный умысел и преступную самонадеянность (легкомыслие) в новую форму вины - «заведомость» [92, с. 8-9];
- признать двойную (сложную) форму вины не слиянием умысла и неосторожности, а самостоятельной формой вины [17, с. 16];
- выделить из умысла такую форму вины, которая объемлет случаи совершения преступления в состоянии аффекта, сильного опьянения, под влиянием привычного автоматизма и т.д. [93, с. 87];
- создать в уголовном праве России промежуточную, между умыслом и неосторожностью, форму вины, которая предусматривала бы не расчет на предотвращение последствий, как в преступном легкомыслии, а надежду на избежание преступных последствий [32, с. 132-133];
- признать в качестве третьей формы вины - состояние временной психической дезорганизации [24, с. 77];
- введение формы вины в виде преступного невежества, предполагающее, что лицо не усвоило знания которые должно было и имело возможность усвоить в результате чего совершило преступление [9, с. 101].

Таким образом, вина может существовать в разных формах, значение которых состоит в следующем:

- форма вины представляет собой субъективную границу, отделяющую преступное поведение от не преступного. Данное значение проявляется в случаях, когда законодатель предусмотрел уголовную ответственность исключительно за общественно опасное деяние, совершенное умышленно. Так, например, в случае причинения легкого или среднего вреда здоровью в действиях лица будет усматриваться состав преступления исключительно в том случае, если они совершены умышленно;
- в случаях, когда уголовная ответственность за совершение общественно опасных деяний, сходных по объективным признакам,

но различающихся по форме вины, дифференцирована, форма вины определяет квалификацию преступления. Примерами таких преступлений являются убийство и причинение смерти по неосторожности; умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества и уничтожение или повреждение чужого имущества по неосторожности;

- в некоторых случаях форма вины выступает основанием законодательной дифференциации уголовной ответственности, когда одно и то же деяние при совершении умышленно наказывается гораздо строже, чем при неосторожности;
- вид умысла, не оказывая влияния на квалификацию, может являться важным критерием индивидуализации уголовной ответственности и наказания;
- форма вины влияет на условия отбывания наказания в виде лишения свободы, поскольку за совершенные неосторожные и умышленные преступления лица отбывают наказания в разных учреждениях.

Значительная часть правовых последствий связана исключительно с умышленной формой вины. Такими последствиями являются различные виды рецидива. С категориями преступлений, находящимися в зависимости от формы вины, тесно связан и институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Вина существует реально только в определенных законодателем формах и видах, соответственно, вне умысла или неосторожности ее быть не может. В конкретных преступлениях форма вины указывается в диспозициях статей Особенной части УК РФ или подразумевается.

Таким образом, при совершении уголовно наказуемых деяний вина может быть умышленной либо неосторожной. На возможность совершения преступления по неосторожности прямо указывают диспозиции статей Особенной части УК РФ, на умышленную форму вины прямое указание в уголовной норме может отсутствовать.

В то же время, выделив две основные формы вины, законодатель предусмотрел возможность совершения деяния при двойной форме вины, в которой проявляется сочетание умысла и неосторожности.

Указав и раскрыв все основные проблемы, связанные с формами вины, необходимо предпринять попытку сформулировать определение форм вины. В принципе данное определение форм вины мало чем будет отличаться от остальных, представленных в уголовно-правовой литературе, и будет носить в основном уточняющий характер.

Итак, формы вины – это законодательно закрепленные комбинации интеллектуальных и волевых элементов, показывающих качественное различие в уровне интенсивности и определенности психического отношения виновного к общественно опасному деянию и его последствиям. Вина существует реально только в определенных законодателем формах и видах, соответственно, вне умысла или неосторожности ее быть не может.

Глава 2 Умысел и его значение для квалификации преступлений

2.1 Виды умысла в уголовном законодательстве и их значение для квалификации преступлений

В ст. 25 УК РФ умышленная форма вины закреплена как деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом, т.е. лицо, осознавая общественную опасность своих действий (бездействия), предвидя неизбежность либо возможность наступления общественно опасных последствий либо желает их наступления, либо не желает, но сознательно допускает их наступление либо относится к ним безразлично.

Как можно увидеть, законодатель определил два вида умышленной формы вины: прямой умысел и косвенный.

Далее следует рассмотреть данные виды умышленной формы вины.

В ч. 2 ст. 25 УК РФ определено понятие прямого умысла как осознание лицом общественной опасности своих действий (бездействия), предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий и желание их наступления.

Косвенный умысел представляет собой осознание лицом общественной опасности своих действий (бездействия), предвидение возможности наступления общественно опасных последствий, не желание, но сознательное допущение этих последствий либо безразличное отношение к таким последствиям.

Общим признаком обоих видов умысла является осознание лицом общественной опасности своих действий (бездействия) [34, с. 44].

Осознание общественно опасного характера совершаемого деяния означает понимание его фактического содержания и социального значения. Оно включает в себя представление о характере тех благ, на которые совершается посягательство, то есть об объекте преступления, о содержании действия (бездействия), посредством которого осуществляется

посягательство, а также о тех фактических обстоятельствах (время, место, способ, обстановка), при которых происходит преступление. Отражение всех этих компонентов в сознании виновного говорит о полном осознании им общественной опасности своего деяния. Если же какой-то из указанных компонентов не входит в предмет осознания лица, то тогда речь надо вести, только о частичном осознании виновным общественной опасности своего деяния. Осознание может зависеть от самых разнообразных факторов: образования, воспитания, уровня духовного развития, профессиональных навыков и т.д. Естественно, чем более полно осознает субъект общественную опасность своего деяния, тем о более высокой степени вины это свидетельствует. В целом, следует признать, что определение границ осознания лицом общественной опасности своего деяния является одним из важнейших этапов на пути к установлению степени вины [27, с. 111].

УК РФ, регламентирующему прямой умысел, известны две степени предвидения лицом вероятности наступления последствий - это неизбежность и реальная возможность. Это положение уголовного закона по существу противоречит утверждению ученых о том что предвидение не имеет степеней. Однако предвидение преступных последствий совершенного деяния может носить различную степень, потому что «виновный может предвидеть преступные последствия как необходимый результат своей деятельности либо считать его возможным в большей или меньшей степени» [88, с. 34-35].

Самой достоверной формой предвидения при прямом умысле выступает предвидение лицом неизбежности наступления последствий. Слово неизбежность в русском языке означает неотвратимость - то, что предстоит неминуемо, то, чего невозможно избежать или предотвратить [52, с. 393]. По мнению П.С. Дагеля, «субъект предвидит неизбежность последствия, когда, во-первых, между действием и последствием имеется однозначная причинная связь и, во-вторых, когда виновный сознает ее развитие, то есть сознает, что его деяние неизбежно повлечет определенный результат» [20, с. 82]. Предвидение лицом неизбежности наступления последствий позволяет

отграничивать интеллектуальный элемент прямого от косвенного умысла и свидетельствует о более высокой степени вины, хотя многие ученые критикуют использование этого термина в уголовном законе, достаточно аргументированно утверждая, что «опережающее отражение всегда вероятно по своему характеру, что обуславливается как схоластической природой окружающего материального мира, так и ограниченными возможностями прогностического аппарата живых систем» [15, с. 36]. Но изучение материалов судебной практики весьма убедительно показывает, что во многих ситуациях виновное лицо предвидит почти 100% вероятность наступления неблагоприятных последствий, то есть уверено в их неизбежности.

Что же касается возможности, то в самых общих чертах, - «это то, чего не существует в данном качестве, но что может возникнуть и существовать, стать действительностью при соответствующих условиях» [95, с. 68].

Степень предвидения лицом определенности наступивших общественно опасных последствий характеризует прямой умысел, наглядно показывая, насколько четкие представления о последствиях имелись у виновного лица в момент совершения им преступления. Порядок влияния представлений об определенности последствий у субъекта преступления на степень его вины должен устанавливать суд при разрешении каждого конкретного уголовного дела.

Общеизвестно, что одно преступное деяние может повлечь за собой как одно, так и несколько преступных последствий, то есть по сути дела причинить вред не только одному, но и двум, трем, целому комплексу объектов уголовно-правовой охраны. Разумеется, при этом в рамки предвидения лица вся совокупность наступивших последствий может и не укладываться. Это объясняется не только ограниченными возможностями прогностического аппарата индивидов, но и сложностью цепи причинно-следственных связей. Вследствие этого напрашивается вывод, что разные субъекты при совершении аналогичных или различных преступлений могут

предвидеть неодинаковое количество последствий, то есть объем предвидения последствий у них будет не совпадать. Устанавливать, какое количество и какие именно последствия предвидело виновное лицо, должны судебно-следственные органы в процессе расследования. Однако здесь наиболее важным будет являться то, что чем большее количество последствий предвидело виновное лицо при их одинаковой тяжести, тем выше будет степень его вины.

Для того, чтобы понять, что представляет собой степень желания виновным наступления последствий, нужно разобраться с природой самого желания.

В психологии желание понимают, как «опредмеченное стремление, направленное на определенный предмет» [75, с. 513].

Как стремление к определенному результату, желание может иметь различные психологические оттенки. Желаемыми являются не только те последствия, которые приятны виновному, доставляют ему внутреннее удовлетворение, но и те, которые при внутренне отрицательном эмоциональном отношении к ним со стороны виновного представляются ему, тем не менее, нужными или неизбежными на пути удовлетворения потребности, ставшей побудительной причиной к действию.

Таким образом, желание наступления преступных последствий может быть самопроизвольно возникшим, а может быть вынужденным, может доставлять удовольствие виновному, а может вызывать у него отвращение, может быть сильным, а может и слабым. Все это обязательно должен учитывать суд при определении степени вины лица.

Практически из тех же самых элементов строится и степень косвенного умысла. Только вместо степени желания лицом наступления последствий, степень косвенного умысла включает в себя «характер волевого отношения субъекта к общественно опасным последствиям, который охватывает собой как сознательное допущение последствий, так и безразличное к ним отношение» [27, с. 114].

Так, суд согласился с доводами подсудимого о том, что у него отсутствовал прямой умысел на убийство потерпевшего, при этом судом приняты были во внимание фактические обстоятельства дела, взаимоотношения между ними, обстановка, предшествующая нанесению удара, поведение погибшей, которая находилась в сильном алкогольном опьянении и своими словами разозлила подсудимого, нахождение самого подсудимого в состоянии алкогольного опьянения, поведение подсудимого после нанесения удара (который осознал, что сделал после того, как потерпевшая умерла и раскаивался в содеянном), и считает, что данное убийство совершено Зайцевым А.Ю. с косвенным умыслом, волевой компонент которого характеризуется безразличным отношением виновного к наступлению смерти.

Далее, суд, квалифицируя по ч. 1 ст. 105 УК РФ, пояснил, что косвенный умысел на совершения данного преступления заключался в том, что подсудимый, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий, не желал, но сознательно допуская эти последствия и относясь к ним безразлично, клинком указанного ножа нанес потерпевшему удар ножом, длина лезвия которого составляет 14 см, в область ее грудной клетки слева, то есть в область расположения жизненно-важных органов человека, причинив колото-резаное слепое проникающее ранение грудной клетки с повреждениями мягких тканей, пристеночной плевры, левого легкого, околосердечной сорочки, легочных вен, клетчатки заднего средостения, аорты с развитием тампонады сердца является вредом здоровью, опасным для жизни человека, повлекшее ее смерть, что подтверждается характером удара, орудием преступления, поведением виновного, предшествующим преступлению и последующим его поведением.

По указанным выше основаниям суд не посчитал возможным квалифицировать действия Зайцева А.Ю. по ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку в действиях Зайцева А.Ю. имелся косвенный умысел на убийство

потерпевшего, при этом судом учитывалась совокупность всех обстоятельств содеянного, в частности, способ, орудие преступления, ранение в область жизненно важных органов человека, от которого смерть потерпевшего наступила на месте преступления [64].

В другом случае, суд также косвенный умысел установил на том основании, что нанесение удара в жизненно важный орган и выбор для этого в качестве орудия преступления предмета с колюще-режущими свойствами, которым возможно нарушить анатомическую целостность тканей человека, свидетельствуют о наличии умысла на лишение жизни, при этом Унжаков Р.Р. не мог не осознавать общественно-опасный характер своих действий, предвидеть общественно-опасные последствия, а именно тот факт, что, нанося два удара ножом в грудь слева потерпевшему, он может причинить потерпевшему телесные повреждения, не совместимые с жизнью, т.е. сознательно допускал такие последствия и относился к этому безразлично.

Кроме того, об умысле на причинение смерти свидетельствовала обстановка, действия подсудимого, факт использования предмета с колюще-режущими свойствами и направленность удара указанным предметом в область сердца. Доводы о том, что оставление Унжаковым Р.Р. потерпевшего на месте преступления живым, свидетельствует об отсутствии у подсудимого умысла, направленного на убийство, при наличии совокупности других обстоятельств, таких, как обстановка совершения преступления, способ и орудие преступления, так и локализация телесных повреждений (левая часть груди) и количество причиненных телесных повреждений на выводы суда о виновности Унжакова Р.Р. в совершении убийства не повлияли.

С учетом изложенного суд признал, что сознательное причинение подсудимым Унжаковым Р.Р. ножом повреждения потерпевшему ФИО7 в грудь слева, опасность которого для жизни достаточно очевидна, свидетельствует о наличии умысла на причинение смерти, поэтому содеянное правильно квалифицировано, как убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ [63].

Следует обратить внимание на то, что при регламентации косвенного умысла законодатель упустил тот момент, по которому лицо, совершающее преступление, может осознавать не только возможность, но и неизбежность наступления общественно опасных последствий. Данное положение законодателя вполне понятно, так как именно в этом и состоит отличие прямого умысла от косвенного. Действительно, при косвенном умысле лицо в наступлении общественно опасных последствий не уверено. Данное положение можно рассмотреть на примере неоконченного преступления.

Например, согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [58] если убийство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, то покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам (ввиду активного сопротивления жертвы, вмешательства других лиц, своевременного оказания потерпевшему медицинской помощи и др.).

В соответствии с п. 3 вышеуказанного Постановления следует, что при решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения.

Из этого следует, что покушение на преступление представляет собой целенаправленную деятельность лица и может совершаться лишь с прямым умыслом, так как, не желая достигнуть определенного результата, лицо не может и покушаться на его достижение.

В соответствии с законом квалификация действий, как покушение на убийство, т.е. по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, возможна лишь при установлении прямого умысла, т.е. когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам. То есть когда виновный выполнил все действия, направленные на причинение смерти потерпевшему, которая не наступила ввиду активного сопротивления жертвы или вмешательства других лиц, либо оказания своевременной медицинской помощи.

Интересно рассмотреть следующий пример из практики, когда при наличии умысла на убийство и отсутствии препятствий довести этот умысел до конца, поведение виновного свидетельствовало об отсутствии каких-либо предпринимаемых с его стороны действий, направленных на лишение жизни потерпевшего.

Так, в ходе судебного следствия было установлено, что Родионов В.Н. нанеся один удар в грудь Изосимова Б.В. мог осознавать, что в результате данного удара могут наступить тяжкие последствия здоровью Изосимова Б.В., но относился к ним безразлично, то есть совершал преступление умышленно, но не с прямым, а с косвенным умыслом (ч. 2 ст. 25 УК РФ). При этом, Родионов В.Н. отказ предпринимать дальнейшие преступные действия в отношении Изосимова Б.В. свидетельствует об отсутствии у Родионова В.Н. прямого умысла на убийство и, как следствие, покушения на убийство. Действия подсудимого должны квалифицироваться по реально наступившим последствиям в виде причинения потерпевшему тяжкого вреда здоровью.

Поскольку из исследованных судом доказательств не усматривалось наличие у Родионова В.Н. прямого умысла на покушение на умышленное убийство, он должен нести ответственность не за те последствия, которые могли наступить, а только за те последствия, которые реально наступили, то есть по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Суд посчитал необходимым указать, что

умысел Родионова В.Н. был направлен на причинение тяжкого вреда здоровью Изосимова Б.В. и повреждения потерпевшему были нанесены твердым предметом, который подсудимым был применен как предмет, используемый в качестве оружия. Изменение обвинения не ухудшает положение подсудимого и не нарушает его право на защиту, поскольку существенно не отличается от первоначального по фактическим обстоятельствам [70].

В случае, когда преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, вид умысла на квалификацию не влияет.

Рассмотренные примеры из судебной практики позволяют сделать вывод о том, что наиболее распространенным является прямой умысел. Косвенный умысел встречается реже, он возможен при совершении преступления с формальным составом, в преступлениях, включающих в состав специальную цель деяния, при покушении на преступление и приготовлении к преступлению, при сознании неизбежности наступления общественно опасных последствий, а также в действиях организатора, подстрекателя и пособника. Но общественная опасность совершаемых с косвенным умыслом деяний может быть не меньшей, чем при умысле прямом.

2.2 Виды умысла в теории уголовного права и их значение для квалификации преступлений

В теории уголовного права и на практике кроме прямого и косвенного умысла выделяют и другие виды умышленной формы вины.

В зависимости от времени возникновения умысла выделяют:

- заранее обдуманый умысел;
- внезапно возникший умысел.

Разновидностями заранее обдуманного и внезапно возникшего умысла, является аффектированный умысел [14, с. 153].

Заранее обдуманный и внезапно возникший умысел имеют как уголовно-правовое, так и криминологическое значение.

В криминологическом значении данные виды умысла выступают разновидностями психического отношения лица,

Уголовно-правовое значение разделения умысла на заранее обдуманный и внезапно возникший заключается в следующем:

- только при заранее обдуманном умысле можно выделить стадии приготовления к преступлению и соучастие в преступлении;
- внезапно возникший умысел выделен в самостоятельные уголовно-правовые нормы в ст.ст. 107 и 113 УК РФ, которые характеризуются аффектированным умыслом.

Отличительной характеристикой заранее обдуманного умысла является то, что намерение совершить преступление реализуется только через некоторый промежуток времени. Причиной реализации умысла на совершение конкретного преступления может быть не только подготовка к нему и планирование, но и нерешительность и колебания.

В качестве примера заранее обдуманного преступления являются преступления, совершаемые в составе организованной группы. Так, умысел организатора включает осознание того, что он объединяет других лиц и направляет их усилия на совершение преступления; осознание того, какое конкретное преступление совершается другими соучастниками под его руководством, т.е. осознание характера совместных преступных действий; предвидение возможного или неизбежного их результата и желание его наступления [7, с. 13].

Заранее обдуманный умысел оказывает определенное влияние и на квалификацию преступления. Так, например, при отсутствии единого заранее обдуманного умысла на незаконный сбыт имеющихся наркотических средств, при возникающем каждый раз умысле на сбыт отдельной части наркотика, а также в случае приобретения в целях сбыта в разное время различных наркотических средств представляется правильным каждый эпизод сбыта

наркотических средств квалифицировать самостоятельно, т.е. по совокупности преступлений [42, с. 10].

О заранее обдуманном умысле может, например, свидетельствовать заранее приготовленный нож, которым причинена смерть потерпевшему [3]. С заранее обдуманным умыслом совершаются мошенничества [62] и другие преступления.

В отличие от заранее обдуманного умысла, внезапно возникший реализуется сразу же или через незначительный промежуток времени после его возникновения.

Внезапно возникший умысел в свою очередь может быть простым и аффектированным.

Простым внезапно возникшим умыслом является такой, при котором намерение совершить преступление возникло у виновного в нормальном психическом состоянии и было реализовано сразу же или через незначительный промежуток времени после возникновения. При внезапно возникшем умысле может отсутствовать процесс подготовки преступления, его сокрытие, когда у преступников нет на это времени, преступление совершено спонтанно либо в состоянии опьянения [36, с. 15].

Например, подсудимый, находясь на территории летнего кафе «Балтика», то есть в общественном месте, реализуя внезапно возникший умысел, направленный на совершение хулиганских действий, имея при себе травматический пистолет, являющийся гражданским огнестрельным оружием ограниченного поражения, проявляя явное неуважение к обществу, нарушая общепризнанные нормы и правила поведения, желая противопоставить себя окружающим и продемонстрировать свое пренебрежительное отношение к ним, произвел не менее трех выстрелов из пистолета в потерпевшего, к которому испытывал неприязненные отношения [60]. Из данного примера видно, что умысел на совершение преступления возник у подсудимого в нормальном психическом состоянии и был реализован сразу же после его возникновения.

С внезапно возникшим умыслом совершаются преступления, связанные с хищением найденного или забытого имущества, так как носят случайный и скоротечный характер. Эти обстоятельства с учетом ограниченного времени у субъекта на принятие решения (подобрать потерянную вещь, оставить ее на месте, отнести в полицию), свидетельствуют о не всегда четком осознании лицом противоправности и общественной опасности своих действий.

Например, органами дознания ОМВД России по Кондопожскому району Республики Карелия к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 158 УК РФ привлечена С., которая 12 декабря 2015 года в дневное время, находясь в одном из помещений «Сбербанка» г. Кондопога, обнаружив в лотке выдачи банкомата забытые Ш. денежные средства в сумме 4000 рублей, тайно их похитила, впоследствии распорядившись ими по своему усмотрению. В данном случае время на принятие решения у С. было весьма ограничено (как правило, оно составляет 45 секунд), поскольку по истечении этого времени невостребованные деньги помещаются обратно в кассеты банкомата (7 аналогичных уголовных дел) [79].

Интересен такой пример, из которого видно, что и при внезапно возникшем умысле можно выделить стадию приготовления к совершению преступления.

Так, в ходе разговора между Елинсон И.В. и В.С.А. произошел конфликт, в результате чего, Елинсон И.В. решил умышленно причинить В.С.А. тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека. Реализуя свой внезапно возникший преступный умысел, направленный на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, Елинсон И.В., в указанный выше период времени, с целью реализации своего преступного умысла, ушел к себе домой, где вооружился неустановленным следствием предметом, в виде кухонного ножа, после чего вновь спустился к подъезду вышеуказанного дома, где во дворе между вышеуказанными домами продолжал находиться В.С.А.

В этот момент Елинсон И.В., продолжая реализовывать свои преступные намерения, направленные на причинение тяжкого вреда здоровью В.С.А.

подошел к В.С.А., который в это время встал с лавки, и, действуя умышленно, желая отомстить за явно незначительную обиду, имеющимся у него при себе неустановленным следствием предметом в виде кухонного ножа, применяя его как предмет, используемый в качестве оружия, нанес В.С.А. один удар в область живота [66].

Аффектированный умысел характеризует в основном не момент, а психологический механизм возникновения намерения совершить преступление. Поводом к его возникновению могут явиться неправомерные или аморальные действия потерпевшего в отношении виновного или его близких. Типичным примером совершения преступления с внезапно возникшим аффективным умыслом является убийство в состоянии аффекта.

При этом, основанием оценки действий виновного по ст. 107 УК РФ может явиться лишь совершение деяния в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным поведением потерпевшего, но не других лиц или организаций [2].

В зависимости от степени определенности умысел делят, на:

- конкретизированный умысел, который в свою очередь делится на простой и альтернативный;
- неконкретизированный умысел [22, с. 55].

Конкретизированный умысел характеризуется наличием у виновного конкретного представления об объективных свойствах совершаемого деяния.

Так, по смыслу закона, преступление, предусмотренное ст. 159.2 УК РФ, то есть мошенничество при получении выплат, как одна из форм хищения, предполагает незаконное безвозмездное обращение с корыстной целью чужого имущества в свою собственность или в собственность других лиц. Специфика данного мошенничества в том, что деяние выражается в получении материальной помощи (пособий, компенсаций, субсидий, иных специальных выплат) путем обмана активного (представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений) или пассивного (путем умолчания о фактах,

влекущих прекращение выплат). В связи с чем, субъективная сторона данного преступления характеризуется прямым конкретизированным умыслом. Иными словами, виновный осознает, что получив пособие, компенсацию, субсидию и иные социальные выплаты, установленные законами и иными нормативными правовыми актами, путем предоставления заведомо ложных и недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат, совершает хищение денежных средств или иного имущества и желает совершить указанные действия.

При этом, по смыслу закона, о наличии умысла, направленного на мошенничество при получении выплат свидетельствуют, в частности, отсутствие у лица юридических прав на получение тех или иных выплат, использование им для их получения фиктивных документов, сокрытие информации о появлении повода к прекращению выплат.

Разновидностью определенного умысла является альтернативный умысел, который заключается в том, что виновный предвидит примерно одинаковую возможность наступления двух или более индивидуально-определенных последствий. Такое преступление должно квалифицироваться в соответствии с наступившими последствиями.

Конкретизированный умысел может быть только прямым.

Неопределенный (неконкретизированный) умысел характеризуется обобщенным представлением у виновного об объективных свойствах деяния и может быть как прямым, так и косвенным.

Разделение умысла на конкретизированный и неконкретизированный влияет на квалификацию преступления как оконченного. Например, в апелляционном представлении государственный обвинитель Григорова О.А. выражает несогласие с выводами суда, поскольку совершенное преступление является продолжаемым тайным хищением чужого имущества, состоящим из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника в непродолжительный период времени, объединенных единым умыслом и составляющих в своей

совокупности единое преступление. Началом совершения продолжаемого преступления является 09 сентября 2015 года, а окончанием - 13 декабря 2015 года. Квалификация действий как оконченного преступления является обоснованной, поскольку его преступная деятельность была пресечена не в результате ОРМ, а на основании предположений потерпевшего, который вызвал сотрудников полиции, когда обнаружил совершение преступления. Поскольку у подсудимого не было конкретизированного умысла на совершение преступления по количеству и сумме похищенного товара, а умысел был направлен на хищение неопределенного круга имущества, то его действия подлежат квалификации как оконченный состав преступления. С учетом изложенного государственный обвинитель просил постановление суда отменить, уголовное дело направить в тот же суд для рассмотрения по существу [4].

Таким образом, умышленная форма вины означает, что лицо, осознавая общественную опасность своих действий (бездействия), предвидя неизбежность либо возможность наступления общественно опасных последствий либо желает их наступления, либо не желает, но сознательно допускает их наступление либо относится к ним безразлично. Умысел классифицируется по различным основаниям, но для квалификации деяния наиболее существенным является подразделение умысла на прямой и косвенный.

2.3 Умышленные преступления с двумя формами вины

В ст. 27 УК РФ законодатель установил повышенную уголовная ответственность за умышленное преступление, если им по неосторожности причинено последствие, которое рассматривается как квалифицирующий признак. В таких случаях возможно параллельное существование двух разных форм вины в одном преступлении.

В юридической науке вопрос о возможности существования двойной формы вины длительное время был дискуссионным, спорным считалась возможность умышленными действиями причинить ущерб неосторожно. Ряд ученых полагал, что такого не может быть в принципе, но некоторые юристы, в основном те, которые представляли содержание вины сложным психическим явлением, возможность существования двойной формы признавали [91, с. 345].

Ныне действующая норма ст. 27 УК РФ разрешило все дискуссионные вопросы.

Во-первых, в диспозициях статей, в которых содержатся сложные составы, прямо предусмотрено, какие составные части данных преступлений являются умышленными деяниями, а какие неосторожными.

Во-вторых, ст. 27 УК РФ прямо устанавливает, что уголовная ответственность за такие преступления наступает только в случаях, если последствия причинены только в случае их причинения по легкомыслию и небрежности, правда, данные формы вины закон напрямую в ст. 27 не называет, но содержит их нормативные формулы, разработанные в ст. 26 УК РФ.

В-третьих, преступлениями с двумя формами вины являются уголовно-наказуемые деяния, которые характеризуются сочетанием двух различных форм вины: умысла и неосторожности. Сочетание прямого умысла с косвенным или легкомыслия с небрежностью не образуют двух форм вины.

В-четвертых, закон прямо говорит о том, что такие преступления в целом признаются совершенными умышленно.

В юридической литературе высказывается мнение о том, что сложно разделить позицию закона о том, что «виновность лица при двойной вине в целом следует оценивать по отношению к действию, т.е. как умышленную, поскольку такая позиция близка к оценочной формуле вины» [29, с. 226]. С этим мнением трудно не согласиться, так как в данном упрощении имеется

практическая потребность, поскольку многие вопросы уголовной ответственности и наказания зависят от формы вины.

Случаи совершения преступлений с двумя формами вины нередки, хотя УК РФ предусматривает довольно мало преступлений данного вида. Основная особенность таких деяний заключается в том, что они всегда квалифицированные и наказание за их совершение всегда суровее, чем за преступление с основным составом. Примером такого деяния является умышленное повреждение или уничтожение чужого имущества, регулируемое ст. 167 УК РФ. Так, ч. 1 данной статьи предусматривает умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба, ч. 2 данной статьи содержит такой квалифицирующий признак, как причинения смерти человеку или других тяжких последствий по неосторожности. Формулировка данного вида преступления звучит как «Умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия». Таким образом, данная статья предусматривает несколько составов умышленных преступлений и одно, которое может быть совершено с двумя формами вины.

Из анализа ст. 27 УК РФ большинство авторов делают вывод о том, что составы преступлений, совершаемых с двумя формами вины, являются материальными. Однако существуют и иные мнения. Так, например, Э.Ю. Латыпова среди классификаций преступлений с двумя формами вины рассматривает и их классификацию в зависимости от структуры состава преступления [43, с. 18].

В научной литературе иногда выделяют два типа преступлений с двойной формой вины.

Первый тип образуют преступления с двумя указанными в законе и имеющими неодинаковое юридическое значение последствиями [55, с. 112].

В качестве примера такого деяния можно привести ч. 4 ст. 111 УК РФ, когда лицо покушается на два объекта - умышленное посягательство на здоровье и неосторожное посягательство на жизнь.

Основа для существования двух разных форм вины в одном преступлении заложена в характеристике субъективной стороны сложного составного преступления [38, с. 19]. При этом преступления, входящие в состав сложного, могут существовать как самостоятельные уголовно-наказуемые деяния. Например, состав преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего) включает в себя два самостоятельных состава, предусмотренных ч. 1 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) и ч. 1 ст. 109 (причинение смерти по неосторожности).

Преступления с двумя формами вины являются умышленными, что может проявляться в одном из четырех сочетаний: прямой умысел - преступное легкомыслие; прямой умысел - преступная небрежность; косвенный умысел - преступное легкомыслие; косвенный умысел - преступная небрежность. Таким образом, причинение тяжкого вреда здоровью может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом, а последствия - обязательно неосторожную форму вины [1, с. 4].

Наиболее часто вина по отношению к последствиям выступает в форме небрежности, поскольку, в основном, виновный не предвидит таких общественно опасных последствий своих действий, которые образуют квалифицирующий признак преступления. Гораздо реже виновный осознает наступление таких последствий, но самонадеянно рассчитывает предотвратить их [49, с. 60].

Второй тип преступлений с двумя формами вины характеризуется неоднородным психическим отношением к действию или бездействию, являющемуся преступным независимо от последствий, и к квалифицирующему последствию. Особенностью таких преступлений

является тот факт, что отдельно за умышленное нарушение правил уголовной ответственности не установлено, оно является преступным только в случаях, когда такое нарушение влечет общественно опасные последствия. Примером такого преступления является нарушение прав дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, регулируемое ст. 264 УК РФ.

Субъективная сторона указанного преступления характеризуется виной в форме неосторожности в любом из видов (легкомыслия или небрежности), поскольку умысел на причинение тяжкого вреда здоровью или смерть в таком случае будет образовывать другой состав преступления.

Таким образом, второй тип преступлений в смысле уголовного закона признаваться преступлением с двойной формой вины не может, поскольку закон прямо говорит о том, что тяжкие последствия, не охваченные умыслом виновного, для признания преступления совершенным с двойной формой вины должны быть причинены в результате совершения умышленного преступления.

Итак, для обеих рассмотренных разновидностей преступлений с двойной формой вины характерно то, что в целом такие преступления признаются умышленными.

Вопрос о возможности прерывания преступной деятельности применительно к преступлениям с двумя формами вины является дискуссионным. Наибольший вклад в разработку данного вопроса внесен Н.А. Никитиной, по мнению которой возможность покушения на умышленное преступление, предусмотренное основным составом, либо приготовления к нему сомнений не вызывает, но к преступлениям с двойной формой вины это не относится [50, с. 33].

Данное мнение представляется справедливым по следующей причине. Преступления с двумя формами вины - всегда преступления с материальным составом, соответственно, должны наступить последствия, при этом не те, которые предусматриваются основным составом, а образующие квалифицирующий признак (иначе речь не должна идти о преступлении с

двойной виной). В отличие от материального состава с одной формой вины, в рассматриваемом случае нет никакой возможности определить, были бы причинены более тяжкие последствия, чем охватываемые основным составом либо нет. Вменить же субъекту покушение на такое преступление исходя из принципа субъективного вменения невозможно, поскольку умыслом виновного наступление последствий, предусмотренных квалифицирующим признаком, не охватывается. Так, например, невозможно представить покушение на причинение смерти по неосторожности при умышленном причинении тяжкого вреда. Если лицо намеревается в данном случае причинить потерпевшему смерть, но ему это не удастся не по его воле, то речь идет об обычном покушении на умышленное преступление, в данном случае, на убийство. Объясняется невозможность не доведения до конца преступления с двойной формой вины и тем фактом, что не существует приготовления на неосторожное преступление либо покушения на него. С одной стороны, данное правило не должно оказывать влияния на квалификацию преступлений с двойной формой вины, так как последние всегда умышленные. Но в то же время, последствия всегда неосторожные, значит, покушения на причинение таких последствий быть не может.

Сложным является вопрос квалификации деяния, когда неосторожный результат преступления наступил, а умышленное преступление (основной состав) до конца не доведено. Например, лицо, намереваясь изнасиловать потерпевшую, по неосторожности причинило ей смерть, а умысел на изнасилование довести до конца не смогло по независящим от него обстоятельствам. Казалось бы, логичным было вменение виновному покушения на преступление, так как умысел до конца не доведен.

Ряд авторов, придерживаясь данной позиции, подкрепляют ее тем, что судебной практике известны случаи квалификации таких деяний по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ, то есть, как покушение на изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей [50, с. 39]. Но такую позицию признать верной нельзя, ведь неосторожный результат в виде причинения

смерти наступил, соответственно, о покушении речь идти не должна, ведь невозможно наступление преступного результата в результате совершения покушения на преступление. Представляется, что в данной конкретной ситуации квалификация содеянного должна осуществляться по совокупности преступлений. Умышленные действия виновного, направленные на изнасилование потерпевшей, следует квалифицировать как покушение на данное преступление, по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 131 УК РФ. Неосторожные же действия по причинению смерти потерпевшей должны квалифицироваться как оконченное неосторожное преступление по ч. 1 ст. 109 УК РФ. Таким образом, в данном случае наиболее верной видится квалификация действий виновного в соответствии с правилами множественности преступлений по совокупности ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 109 УК РФ.

Аналогичным образом должны разрешаться и ситуации, когда лицо, покушаясь на умышленное повреждение чужого имущества путем поджога, причиняет по неосторожности смерть человеку. Такая ситуация может иметь место, когда огнем достаточных повреждений имущества не причинено, но потерпевший скончался от удушья. В данном случае также не представляется возможным квалифицировать содеянное как покушение на умышленное повреждение чужого имущества путем поджога, повлекшее по неосторожности смерть человека по вышеуказанным причинам. Здесь также возможен лишь один выход - квалификация содеянного по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 и ч. 1 ст. 109 УК РФ.

Здесь следует отметить, что, с одной стороны, такое вменение нарушает правила множественности преступлений, согласно которым совокупность - это всегда совершение минимум двух преступлений и одно деяние, влекущее два последствия, не может расцениваться как совокупность. С другой же стороны иного выхода при квалификации действий виновного в рассматриваемой ситуации не существует.

Таким образом, вопрос квалификаций действий лица, в результате которых наступило только неосторожное последствие, а умысел до конца не

доведен, уголовным правом России не регулируется, что является пробелом законодательства.

Представляется, что данный пробел может быть устранен путем внесения в законодательство изменений. Так, целесообразно ст. 27 УК РФ дополнить следующей нормой: «В случае, если умышленное преступление не доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам, однако тяжкие последствия наступили, действия виновного должны квалифицироваться по совокупности деяний как неоконченное умышленное преступление и оконченное неосторожное преступление, ответственность за которое предусмотрена соответствующей нормой настоящего Кодекса».

Кроме того, существуют среди преступлений, совершаемых с двойной формой вины, такие составы, где квалифицированное последствие, причиняемое по неосторожности, не может быть причинено в случае не доведения до конца основного состава преступления. Так, например, невозможно представить причинение потерпевшему по неосторожности смерти при не доведении до конца умысла на причинение тяжкого вреда здоровью, поскольку в данном случае смерть является исключительно следствием причинения тяжкого вреда здоровью.

Говоря о неоконченной преступной деятельности в преступлениях с двумя формами вины нельзя оставить без внимания вопросы добровольного отказа лица от совершения преступления. В свете всего вышесказанного представляется, что добровольный отказ от преступления, имеющего двойную форму вины, невозможен, поскольку лицо и не намеревалось совершать составное преступление, оно не может и отказаться от его совершения. Фактически, в случае добровольного отказа от преступления лицо отказывается лишь от совершения умышленного преступления, то есть, от основного, неквалифицированного состава. Это также объясняется тем моментом, что при невозможности установить, какие последствия могли наступить по неосторожности при совершении данного преступления и могли

ли они наступить вообще, невозможно вести речь и о добровольном отказе от совершения такого преступления.

Таким образом, предварительная преступная деятельность при совершении преступления с двойной формой вины возможна лишь в основном составе, а при не доведении до конца умышленной преступной деятельности при причинении неосторожного результата деяния виновного следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Очевидно, что соучастие при совершении преступлений с двумя формами вины как умышленное, совместное участие двух или более лиц в совершении преступления, возможно. Об этом свидетельствует и научная литература, и судебная практика. Кроме того, это объясняется тем фактом, что законодатель преступления с двойной формой вины отнес к числу умышленных преступлений.

В то же время, не следует упускать из внимания тот факт, что в таких преступлениях квалифицированный состав всегда преступление неосторожное, а законодатель в принципе в рамках уголовного права неосторожное сопричинение не признает.

Наиболее верным в рассматриваемой ситуации представляется решать вопрос о соучастии не применительно в целом ко всему преступлению, совершенному с двойной формой вины, а по отдельности к каждому из преступлений, которые его образуют.

В рамках основного (умышленного) состава соучастие может иметь место в любой форме и в любом виде, так как полностью соответствует законодательному определению соучастия, а также практике его применения. Например, при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью лица могут действовать как группой лиц, так и группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Кроме того, все соучастники данного преступления могут выступать соисполнителями либо выполнять иные роли (пособничество, подстрекательство и т.д.). То есть, квалификация соучастия в данном случае производится на основании статей Общей части УК РФ [21].

Таким образом, в сфере регулирования вопросов соучастия в преступлениях с двумя формами вины в уголовном законодательстве России имеется достаточно нерешенных проблем.

Поскольку преступления с двумя формами вины являются сложными, составными преступлениями, возникает немало проблем при квалификации таких деяний, отграничений их от других видов преступлений, имеющих сходство с составами при двойной вине.

Одной из проблем, которая нередко возникает на практике, является отграничение преступлений с двумя формами вины от совокупности преступлений.

Говоря о соотношении преступлений с двумя формами вины и совокупности преступлений необходимо уделить некоторое внимание понятию совокупности преступлений в целом и идеальной совокупности в частности, поскольку именно последняя заслуживает в этой связи пристального внимания.

Совокупность представляет собой одну из форм множественности, которая законом определяется как совершение двух и более преступлений, ни за одно из которых лицо еще не было осуждено.

Совокупность преступлений бывает двух видов - реальная и идеальная [10, с. 68].

Сущность идеальной совокупности в том, что одним действием совершается два однородных, тождественных или разнородных преступления. Примером идеальной совокупности может являться умышленное лишение жизни человека путем совершения на него наезда на автомобиле, когда при этом другому лицу причиняется тяжкий вред здоровью либо смерть. В основном, идеальная совокупность представляет собой совокупность умышленного и неосторожного преступления.

Таким образом, из вышесказанного можно вывести сходные признаки идеальной совокупности преступлений и преступлений с двумя формами вины, когда лицом совершается только одно действие (при идеальной

совокупности лицо, совершая поджог дома, причиняет вред двум объектам; при двойной форме вины лицо, нанося удары, причиняет тяжкий вред здоровью, влекущий смерть).

В то же время, идеальная совокупность преступлений и преступления с двумя формами вины имеют больше отличий, чем сходств [49, с. 258].

Так, указанные виды преступлений различаются по следующим основаниям:

- при идеальной совокупности преступление и отношение ко всем его последствиям умышленное, в то время как при совершении преступления с двойной формой вины умышленным является отношение лишь к близкому последствию, а по отношению к отдаленному последствию - неосторожным;
- при идеальной совокупности последствия наступают одновременно, в то время как при преступлениях с двойной формой вины последствия наступают одно за другим;
- при идеальной совокупности действия лица квалифицируются как два самостоятельных преступления, в то время как при совершении преступления с двойной формой вины преступление квалифицируется как одно деяние с двумя последствиями - умышленным и неосторожным;
- преступными действиями при совершении преступлений с двойной формой вины причиняется, как правило, вред нескольким объектам уголовно-правовой охраны, при идеальной совокупности вред может быть причинен как нескольким объектам (лицо, умышленно осуществляя поджог дома с целью уничтожения имущества и лишения человека жизни, посягает как на имущество, так и на жизнь; лицо, умышленно причиняя смерть одному лицу, по неосторожности причиняет тяжкий вред другому, посягая таким образом как на жизнь, так и на здоровье; лицо, умышленно причиняя смерть одному

лицу, по неосторожности причиняет смерть и другому лицу, посягая таким образом на жизнь).

Таким образом, как следует из вышеизложенного, идеальная совокупность и преступления с двумя формами вины очень близки друг другу по ряду признаков, однако имеют и существенные различия. В каждом конкретном случае, когда возникает вопрос о верной квалификации сложного деяния и определении того, куда его следует отнести к совокупности преступлений или к сложному составному преступлению, необходимо тщательнейшим образом анализировать субъективную сторону преступления и устанавливать, на что именно был направлен умысел виновного, причинение каких именно последствий им охватывалось, с каким временным промежутком наступили различные последствия содеянного.

Еще одним проблемным вопросом квалификации преступлений с двумя формами вины является их отграничение от умышленных составов преступлений.

Например, в практике зачастую возникает вопрос, какой состав преступления содержится в действиях лица, причинившего смерть - ч. 1 ст. 105 УК РФ или ч. 4 ст. 111 УК РФ. В первом случае лицо имеет умысел на причинение последствий в виде смерти, то есть, отношение лица к общественно опасному последствию в виде наступления смерти характеризуется умышленной формой вины. При совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, умыслом виновного охватывается причинение тяжкого вреда здоровью, а причинение общественно опасных последствий в виде причинения смерти характеризуется неосторожной формой вины. Таким образом, при квалификации рассматриваемых деяний следует с особой тщательностью выяснять умысел виновного.

Таким образом, основное отличие составов с двумя формами вины от умышленных составов заключается в том, что в первом случае умысел на причинение тяжких последствий, относящихся к квалифицирующему признаку, отсутствует, такие последствия причиняются неосторожно, а во

втором случае последствия предусматриваются основным составом преступления и охватываются умыслом виновного.

В научной литературе существуют мнения, поддерживающие точку зрения А.П. Козлова о том, что отнесение преступлений с двойной формой вины в целом к умышленным является неверным, так как данное законодательное установление влечет соответствующие последствия, такие как установление категории по ст. 15 УК РФ, признание рецидивом, отмена условного осуждения или условно-досрочного освобождения. Сторонники указанной позиции считают, что «за причиненные по неосторожности последствия наказание соразмерно за причинение аналогичных последствий умышленно в других статьях УК РФ» [47, с. 25]. Однако, данная позиция законодателя видится наиболее верной, чем если бы он предусмотрел наказание за умышленное преступление, пусть и влекущее неосторожное последствие, как за преступление, в целом совершаемое неосторожно. Очевидно, что умышленные преступления не могут наказываться на одном уровне с неосторожным, поскольку при совершении умышленного преступления лицо осознает и желает наступления общественно опасных последствий либо относится безразлично к их наступлению, что уже говорит о его повышенной общественной опасности даже при отсутствии тяжких квалифицирующих последствий.

Существует в теории уголовного права и мнение о том, что преступления, совершенные с двумя формами вины, должны подразделяться на два вида преступлений: умышленные и неосторожные [86, с. 307].

Такое мнение представляется спорным. С одной стороны, действительно, вина должна устанавливаться и по отношению к совершению основного состава преступления и по отношению к наступившим последствиям. С другой стороны, преступления с двумя формами вины могут быть образованы исключительно путем совершения умышленного преступления, повлекшего неосторожные последствия. Так, если преступление совершено умышленно и повлекло причинение умышленных

последствий, то речь о преступлении с двумя формами вины идти не может, в данном случае имеется простая форма вины в виде умысла. Аналогичным образом, если преступление совершено по неосторожности и повлекло наступление неосторожных последствий, то оно и в целом является совершенным с одной формой вины - неосторожностью. Так, лицо, не желая причинения смерти другому лицу, случайно при чистке оружия производит выстрел в другого человека и причиняет ему смерть. Его действия полностью охватываются составом неосторожного преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ - причинение смерти по неосторожности. Представить же себе неосторожное преступление, повлекшее причинение умышленных последствий невозможно, поскольку оно не может существовать в природе, ведь умысла на неосторожное преступление не существует. Таким образом, деление преступлений с двумя формами вины на умышленные и неосторожные представляется излишним и лишеным смысла, по своей сути такое преступление всегда будет являться умышленным.

Таким образом, закрепление законодателем в УК РФ положение о преступлениях с двумя формами вины в целом представляется верным, единственным недостатком видится загромождение данной нормы описанием видов неосторожности, в результате которых может быть причинено тяжкое последствие. Более целесообразным видится формулировка ст. 27 УК РФ следующим образом:

«Если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, причинение данных последствий расценивается как неосторожное. Такое преступление признается совершенным с двумя формами вины и влечет уголовно-правовые последствия как умышленное преступление» [35, с. 359].

Выводы по второй главе впускной квалификационной работе.

- Умышленная форма вины означает, что лицо, осознавая общественную опасность своих действий (бездействия), предвидя

неизбежность либо возможность наступления общественно опасных последствий либо желает их наступления, либо не желает, но сознательно допускает их наступление либо относится к ним безразлично. Умысел классифицируется по различным основаниям, но для квалификации деяния наиболее существенным является подразделение умысла на прямой и косвенный.

- В теории уголовного права в зависимости от времени возникновения умысла выделяют: заранее обдуманый умысел; внезапно возникший умысел. Разновидностями заранее обдуманного и внезапно возникшего умысла, является аффектированный умысел. В зависимости от степени определенности, на: конкретизированный умысел, который в свою очередь делится на простой и альтернативный; неконкретизированный умысел.
- В преступлениях с двойной формой вины неоконченная преступная деятельность иметь места не может. Однако, существуют ситуации, когда умышленное преступление до конца не доведено, однако неосторожные общественно опасные последствия наступили, данные ситуации уголовным правом России не регулируются, представляется необходимым заполнить данный пробел путем внесения дополнений в ст. 27 УК РФ.

Поскольку соучастие может иметь место исключительно в умышленных составах, представляется, что соучастия в преступлении с двойной формой вины существовать не может. С целью недопущения разнообразного толкования данного вопроса представляется необходимым внести дополнения в ст. 36 УК РФ, которые изложить следующим образом: «При совершении в соучастии преступления с двойной формой вины действия исполнителя относительно неосторожно причиненного последствия представляют собой эксцесс, в то время как другие соучастники преступления подлежат уголовной ответственности за причиненные последствия, охватываемые их умыслом».

Глава 3 Неосторожность и ее значение для квалификации преступлений

3.1 Преступное легкомыслие и преступная небрежность

Неосторожная форма вина менее опасно в сравнении с умышленной формой вины.

Неосторожной форме вины посвящена отдельная ст. 26 УК РФ.

В доктрине неосторожность определяют как «законодательно установленную форму психического отношения субъекта к совершенному деянию и его последствиям, при котором отсутствует волевое стремление лица к наступлению общественно опасных последствий» [34, с. 150].

Неосторожная форма вины характеризуется следующими признаками:

- при совершении аналогичных преступлений неосторожная форма вины вполне обоснованно считается намного менее опасной по сравнению с умышленной формой вины;
- количество составов преступлений с неосторожной формой вины в УК РФ значительно меньше, чем количество умышленных составов преступлений.

В отечественном уголовном законодательстве выделяют разные виды неосторожных преступлений [19, с. 18-19].

Уголовный закон подразделяет неосторожность на два вида: преступное легкомыслие и преступную небрежность.

В данной части настоящей выпускной квалификационной работе будет рассмотрен такой вид неосторожной формы вины, как преступное легкомыслие.

Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение.

Интеллектуальный критерий преступного легкомыслия характеризуется двумя признаками:

- предвидение лицом абстрактной возможности общественно опасных последствий своего деяния;
- самонадеянный расчет на их предотвращение.

Осознание общественной опасности деяния заключается в том, что субъект предвидит развитие причинной связи. Волевой критерий заключается в том, что субъект наступления опасных последствий не желает и старается их не допустить с помощью тех или иных реально существующих сил и факторов.

Так, суд исходил из того, что Конов, с целью избежать столкновения с выехавшим на его полосу дорожного движения автомобилем «Опель Вектра», совершил маневр влево, пересек горизонтальную линию дорожной разметки и выехал на полосу встречного движения, создав тем самым опасность и помеху для движения автомобилю «Опель Вектра» под управлением Потерпевший №4, возвратившегося на свою полосу непосредственно перед столкновением.

При этом Конов, по мнению суда, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывал на предотвращение этих последствий. На основании изложенного суд, руководствуясь ч. 2 ст. 26 УК РФ, приходит к выводу, что преступление Коновым совершено по неосторожности в форме легкомыслия [68].

Единственным фактором, влияющим на степень преступного легкомыслия лица, является степень обоснованности его расчета на предотвращение последствий.

Обстоятельства, дающие виновному основание для легкомысленного расчета, могут быть самыми различными. Однако, на какие бы обстоятельства ни рассчитывал виновный, главное, что будет определять степень его вины. Это могут быть:

- количество обстоятельств, которые, по мнению виновного, способны предотвратить преступный результат;

- процентная вероятность наступления обстоятельств, на которые рассчитывает виновное лицо в предотвращении преступных последствий;
- действенность, то есть способность каждого конкретного обстоятельства повлиять на предотвращение последствий;
- сложность расчета, произведенного субъектом для подкрепления своей уверенности в ненаступлении общественно опасных последствий [31, с. 191].

Причем все эти факторы должны не столько иметь место в объективной реальности, сколько в сознании виновного лица. При этом, при неосторожности расчет виновного лица, ожидающего, что последствия не наступят, должен опираться на реальные обстоятельства, которые дают основание предполагать такой исход [6].

Так, судом было установлено, что при оказании медицинской помощи потерпевшей П1 при родах Б. было допущено ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей, выразившихся принятии решения о проведении операции наложения выходных акушерских щипцов, при выполнении которой Б. допустил технический дефект оказания медицинской помощи, что привело к разрыву намета мозжечка у новорожденного П. и состоит в прямой причинно-следственной связи со смертью последнего.

Вопреки доводам апелляционной жалобы адвоката, выводы суда о том, что Б. проявила преступную самонадеянность и легкомыслие, полностью соответствуют ч. 2 ст. 26 УК РФ. Судом достоверно установлено, что форма вины Б. по отношению к последствиям в виде смерти потерпевшего характеризуется легкомыслием, так как осужденная предвидела возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, но без достаточных оснований, основываясь на своем личном профессиональном опыте, самонадеянно рассчитывала на их предотвращение [5].

В другом случае, доводы кассационной жалобы осужденного о виновности в ДТП свидетеля Б.А.З. который, по мнению Ж., нарушил

требования п. п. 10.1, 9.10 ПДД РФ, не были основаны на материалах уголовного дела и опровергались совокупностью приведенных в приговоре доказательств. В соответствии с заключением эксперта в сложившейся дорожной ситуации водитель транспортного средства ВАЗ-2109 не располагал технической возможностью предотвратить столкновение с автопоездом МАЗ-54323 путем экстренного торможения с момента пересечения автопоездом МАЗ середины проезжей части. Скорость, с которой двигался автомобиль ВАЗ-2109 под управлением Б.А.З. установлена судом из показаний последнего и выводов автотехнической экспертизы, установившей скорость транспортного средства по длине следов торможения.

Преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, характеризуется неосторожной формой вины. Вопреки доводам кассационной жалобы осужденного выводы суда о том, что Ж. проявил преступную самонадеянность и легкомыслие, полностью соответствуют ч. 2 ст. 26 УК РФ. Судом достоверно установлено, что форма вины Ж. по отношению к последствиям в виде смерти потерпевшего характеризуется легкомыслием, так как осужденный предвидел возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, но без достаточных оснований самонадеянно рассчитывал на их предотвращение [61].

Таким образом, преступное легкомыслие имеет сходство с косвенным умыслом тем, что в обоих случаях лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, но, тогда как при косвенном умысле оно предвидит данную возможность в этом конкретном случае, при легкомыслии субъект знает, что такие действия (бездействие), как те, которые совершает он, могут влечь общественно опасные последствия, но уверен, что в данном конкретном случае они не наступят.

Часть 3 ст. 26 УК РФ определяет небрежность исключительно как отношение лица к общественно опасным последствиям содеянного.

Преступная небрежность характеризуется тем, что лицо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий, хотя обязано и способно их предвидеть. Интеллектуальный и волевой моменты отсутствуют:

- последствия не охвачены сознанием, так как лицо не проявляет необходимой внимательности и предусмотрительности, чтобы совершить необходимые действия либо воздержаться от них для предотвращения общественно опасных последствий;
- отсутствуют волевые осознанные акты поведения, направленные на предотвращение последствий [33, с. 160].

Небрежность характеризуется двумя признаками: отрицательным и положительным:

- совершаемого деяния (отрицательный признак);
- обязанность и возможность лица при необходимой внимательности и предусмотрительности предвидеть наступление общественно опасных последствий (положительный признак).

На степень преступной небрежности, в отличие от степени преступного легкомыслия, влияют сразу два компонента: степень обязанности предвидеть наступление общественно опасных последствий и степень возможности предвидеть наступление общественно опасных последствий.

Степень обязанности предвидеть преступные последствия - это степень проявленности объективного критерия в преступной небрежности лица. Объективный критерий закреплен в тех или иных правилах, которых должны придерживаться люди в своей деятельности [54, с. 19]. Что же может служить источником объективного критерия? Источником, порождающим объективный критерий, может служить закон, подзаконный акт, должностной статус виновного, его профессиональные функции, правила общежития и т.д.

Следовательно, степень обязанности предвидеть наступление общественно опасных последствий будет определяться двумя условиями:

- количеством источников, которые закрепляют обязанность виновного предвидеть наступление общественно опасных

последствий (то есть чем большее количество источников предусматривают обязанность виновного предвидеть общественно опасные последствия, тем выше будет степень его вины);

- статусом этих источников (например, обязанность предвидеть общественно опасные последствия, вытекающая из закона, указывает на более высокую степень вины лица, чем такая же обязанность, вытекающая из подзаконного акта).

Так, 18 октября 2018 года в период времени до 12 часов 00 минут М.В. Черепянко, являясь лицом, на которое возложена обязанность по соблюдению требований пожарной безопасности, находясь в жилом доме, для обогрева помещения данного дома, растопила печь твердым топливом в виде дров, при этом, заведомо зная, что на стене, являющейся частью дымохода печи, со стороны зала, было обрушено штукатурное покрытие.

Далее, несмотря на вышеуказанное обстоятельство, М.В. Черепянко, зная об имевшемся обрушении штукатурного покрытия, не предвидя возможности наступления пожара, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должна была и могла предвидеть возможность наступления пожара и иных негативных последствий, 18 октября 2018 года в период времени с 12 часов 00 минут до 13 часов 19 минут, покинула данный жилой дом, оставив там малолетнего, который в силу имеющегося у него заболевания не мог самостоятельно передвигаться и соответственно покинуть данный жилой дом, в случае возникновения опасности для его жизни и здоровья, о чем М.В. Черепянко достоверно знала, поскольку являлась его матерью.

Далее 18 октября 2018 года в период времени с 12 часов 00 минут до 13 часов 19 минут, в жилом доме произошел пожар, причиной которого явилось загорание горючих материалов дивана в комнате, где находился малолетний, в результате кондуктивного прогрева от нагретой стенки печи отопления.

При этом причиной пожара, явилось несоблюдение М.В. Черепянко п. 84 Правил противопожарного режима в Российской Федерации утвержденных Постановлением Правительства РФ от 25 апреля 2012 г. № 390 (ред. от 18 ноября 2017 г.) «О противопожарном режиме», согласно которому при эксплуатации печного отопления запрещается оставлять без присмотра печи, которые топят, перекаливать печи.

В результате данного пожара, возникшего вследствие небрежного отношения М.В. Черепянко к соблюдению требований пожарной безопасности, в комнате вышеуказанного дома, где находился малолетний произошло задымление, и скопление угарного газа, что привело к отравлению малолетнего потерпевшего окисью углерода (угарным газом), в результате чего на месте происшествия наступила смерть потерпевшего, по неосторожности Черепянко М.В.

М.В. Черепянко, будучи, как собственник жилого дома, ответственной за соблюдение правил пожарной безопасности в данном доме, зная о том, что на стене печи имеется обрушение штукатурного слоя, при этом, в районе данного обрушения ею вплотную к печи был поставлен деревянный диван, обитый тканью, с имеющимися на нем вещами (одеяла, простыни, подушки), вопреки изложенным выше Правилам, растопила печь и оставила ее без присмотра, допустив ее перекаливание.

Установленные обстоятельства дела свидетельствуют о том, что в момент причинения смерти потерпевшему, подсудимая не желала, не предвидела и не допускала возможности наступления тяжких последствий, в виде смерти ребенка, хотя должна была и могла это предвидеть, если бы действовала с большей внимательностью и предусмотрительностью.

Таким образом, в действиях М.В. Черепянко имела место неосторожная форма вины в виде небрежности [65].

Большую роль, чем степень обязанности лицом предвидеть общественно опасные последствия, в определении степени преступной небрежности играет степень возможности лица предвидеть наступление преступных последствий.

Степень возможности лица предвидеть преступные последствия - это степень проявленности субъективного критерия в преступной небрежности лица. Субъективный критерий небрежности означает персональную способность лица предвидеть наступление общественно опасных последствий в конкретной ситуации и с учетом его индивидуальных качеств. Т.е. возможность предвидения последствий определяется, во-первых, особенностями ситуации, в которой совершается деяние, а во-вторых, индивидуальными качествами виновного. Вследствие этого и степень возможности лица предвидеть общественно опасные последствия зависит:

- от степени сложности ситуации (обстановки), в которой совершается преступное деяние;
- степени способности лица предвидеть общественно опасные последствия.

О способности субъектов предвидеть результаты своих деяний писал В. Питецкий. Он вполне обоснованно считал, «что способность предвидеть результаты своих деяний у разных людей различна. Она обусловлена, в частности, такими факторами, как уровень образования, профессиональные навыки, специальная подготовка, жизненный опыт и др., а также факторами, относящимися к психофизиологическим особенностям людей. Выбор того или иного фактора или их совокупности при установлении возможности предвидения последствий зависит от сферы деятельности субъекта, от особенностей совершенного им преступления» [54, с. 19-20]. Эти факторы обязательно должны устанавливаться и учитываться судом при определении степени преступной небрежности, потому что в ином случае о назначении справедливого наказания не может идти и речи.

Решить данную проблему А.В. Куликов предлагает посредством уравнения в ответственности людей вменяемых, но с разным уровнем интеллекта и культуры, не возлагая при этом на субъекта бремя непосильных интеллектуальных затрат и обязанностей, которых он на себя не принимал [39].

Например, действия подсудимой были квалифицированы по ч. 1 ст. 109 УК РФ – причинение смерти по неосторожности, так как Калекина Е.В. нарушила обычные, всем понятные житейские меры предосторожности, пренебрежительно отнеслась к своим родительским обязанностям, не предвидела наступление последствий в виде смерти ребенка из-за того, что она положила четырехмесячного ребенка на диван, без каких-либо ограждений, что поставило ребенка в опасные для жизни условия и привело к его смерти, хотя Калекина, обязана была предвидеть эти общественно-опасные последствия, что вытекает из семейных отношений и общежитейских правил поведения. Суд приходит к выводу, что с учетом жизненного опыта подсудимой (4 ребенок в семье), в силу возраста, состояния здоровья, уровня интеллекта, образования, она при необходимой внимательности и предосторожности могла предвидеть эти общественно-опасные последствия, которые не предвидела. При этом указание органом следствия на совершение преступления подсудимой по легкомыслию (ч. 2 ст. 26 УК РФ) не нашло своего подтверждения в судебном заседании, так как подсудимая не предвидела наступления смерти малолетней в результате падения.

Таким образом, Калекина Е.В. совершила преступление по неосторожности в форме преступной небрежности, так как согласно ч. 3 ст. 26 УК РФ преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при должной внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть [69].

Таким образом, небрежность и легкомыслие сходны в том, что виновный реальной возможности наступления общественно опасных последствий не предвидит, хотя мог ее предвидеть. Разница только в том, что при легкомыслии лицо возможность наступления последствий предвидит. При небрежности лицо не предвидит таких последствий и поэтому не осознает опасности выбранного способа поведения.

3.2 Значение неосторожной формы вины для квалификации преступлений

Ответственность за преступления, совершенные по неосторожности, прямо предусмотрена в диспозициях некоторых статей Особенной части УК РФ. Все другие преступления, не имеющие прямого указания на неосторожное их совершение, являются умышленными.

Однако, дискуссионным является и вопрос о неосторожной форме при квалификации некоторых составов преступлений. Таким примером являются составы экологических преступлений. Можно выделить следующие подходы к его решению: рассматриваемые преступления могут быть как умышленными, так и неосторожными; для них нехарактерна умышленная форма вины; некоторые составы подразумевают так называемую двойную вину [26, с. 160].

Следует согласиться с теми авторами, которые, выявляя форму вины экологических преступлений, базируют свои выводы на положениях ч. 2 ст. 24 УК РФ, согласно которой «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Кодекса». В составах преступлений, посягающих на безопасность водных объектов, форма вины - неосторожность - указана только в ч. 3 ст. 250 и ч. 3 ст. 252 УК РФ. Следовательно, основные и квалифицированные составы преступлений могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности.

Разъяснение о форме вины экологических преступлений, содержащееся в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [56], гласит: «...исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по

неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления. Например, преступления, предусмотренные статьей 246, частью 2 статьи 247, частью 1 статьи 248, частями 1 и 2 статьи 250 УК РФ, могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности, тогда как преступления, предусмотренные частью 3 статьи 247 УК РФ, частью 2 статьи 248 УК РФ, частью 3 статьи 250 УК РФ, совершаются только по неосторожности».

Как можно заметить, среди примеров преступлений, к которым обращается Пленум Верховного Суда РФ, иллюстрируя свой вывод, находится ст. 250 УК РФ. Причем ч. ч. 1 и 2 ст. 250 УК РФ фигурируют среди преступлений, которые могут совершаться как умышленно, так и неосторожно, а ч. 3 ст. 250 УК РФ - отнесена к исключительно неосторожным преступлениям. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: как разрешить ситуацию, когда деяния, предусмотренные ч. ч. 1 и 2 ст. 250 УК РФ, совершаются умышленно, а в отношении последствий, указанных в ч. 3 ст. 250 УК РФ (смерть человека), будет установлена неосторожная вина? Если буквально понимать мысль, изложенную в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ, то придется констатировать, что случаи умышленного загрязнения вод, повлекшие по неосторожности смерть человека, не охватываются ч. 3 ст. 250 УК РФ; она применяется только тогда, когда и деяние, и наступившие последствия в виде смерти являются следствием неосторожной формы вины. Такой вывод расходится с уголовным законом: ч. 3 ст. 250 УК РФ устанавливает ответственность за «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи», а эти деяния (что признает и Пленум Верховного Суда РФ в цитируемом Постановлении) могут быть как умышленными, так и неосторожными.

Кроме того, признание ч. 3 ст. 250 УК РФ исключительно неосторожным преступлением оставляет за рамками уголовно-правового реагирования более опасную модель общественно опасного поведения, для которой неприменимы

иные имеющиеся варианты правовой оценки, например, множественность преступлений. В этом случае пришлось бы применять ч. 3 ст. 250 УК РФ и ст. 109 УК РФ, т.е. вменять неосторожное причинение смерти дважды, что противоречит принципу справедливости и в целом расходится с логикой и теоретическими основами квалификации преступлений. Учитывая это, положения п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», касающиеся формы вины преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 250 УК РФ, следует понимать расширительно, применяя данную часть статьи и в тех случаях, когда общественно опасное деяние совершается умышленно.

Аналогичный вывод можно сделать и применительно к ч. 3 ст. 252 УК РФ.

Уголовное законодательство не дает оснований рассматривать особо квалифицированные составы водных преступлений в качестве совершаемых с двумя формами вины. Как уже отмечалось ранее в настоящей выпускной квалификационной работе, в теории уголовного права совершенно справедливо сложилось мнение о том, что две формы вины могут параллельно сосуществовать только в квалифицированных составах преступлений: «умысел как конструктивный элемент основного состава умышленного преступления и неосторожность в отношении квалифицирующих последствий» [74, с. 129-130]. Характеризуя преступления с двумя формами вины, А.И. Рарог подчеркивает их своеобразие, состоящее в том, что «законодатель как бы сливает в один состав, т.е. юридически объединяет два самостоятельных преступления, одно из которых является умышленным, а другое – неосторожным»; «субъективные особенности подобных преступлений производны от специфической конструкции объективной стороны - сосуществование двух различных форм вины в одном преступлении обусловлено наличием двух самостоятельных предметов виновного отношения субъекта: умысел (прямой или косвенный) является субъективным

признаком основного состава преступления, а неосторожность (в виде легкомыслия или небрежности) характеризует психическое отношение к последствиям, играющим роль квалифицирующего признака» [74, с. 132].

В рассматриваемом случае ситуация принципиально иная: и основные, и квалифицированные составы водных преступлений могут быть как умышленными, так и неосторожными. Следовательно, конструкция двух форм вины не может быть применена в отношении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 250 и ч. 3 ст. 252 УК РФ (по крайней мере, в контексте существующих законодательных и доктринальных представлений о преступлениях, совершаемых с двумя формами вины). Оптимальный поиск решений данного вопроса требует самостоятельных научных исследований, однако его возможные варианты наметить вполне возможно. Ими могут быть, например, расширение законодательного и научного понимания преступлений с двумя формами вины, корректировка уголовно-правовых норм о преступлениях, посягающих на безопасность водных объектов с целью дальнейшей дифференциации ответственности за них в зависимости от формы вины (ужесточение ответственности за умышленные преступления) и др.

Уголовное законодательство не регламентирует случаи, когда общественно опасные последствия причиняются совместными неосторожными действиями двух или более лиц. В научной литературе указанная ситуация носит название неосторожного сопричинения [50, с. 68].

Отсутствие указания в УК РФ на возможность соучастия в совершении неосторожного преступления означает, что такое соучастие невозможно. Это объясняется тем фактом, что неосторожность исключает необходимую виновную связь по поводу совершения преступления между оказавшимися причастными к нему лицами. В таком случае отсутствует такой субъективный признак соучастия, как согласованность, поэтому каждый из виновных лиц несет ответственность только за свои неосторожные действия самостоятельно и независимо от другого [51, с. 62].

Тут следует отметить, что сказанное в полной мере относится к преступлениям с двойной формой вины не может, поскольку они не являются неосторожными преступлениями в абсолютном смысле. Нормы же, регулирующие соучастие при совершении преступлений с двойной формой вины, в уголовном законе отсутствуют.

С одной стороны, причинение совместными действиями смерти по неосторожности требует тщательного исследования данного факта, установления действительной возможности каждого соучастника причинить по неосторожности такой вред, вклада каждого из соучастников в наступление указанного последствия.

В научной литературе имеется мнение, что в такой ситуации, когда наступление неосторожного последствия было обусловлено умышленными действиями двух и более лиц, их действия должны квалифицироваться по правилам неосторожного сопричинения, то есть, исключая соучастие [41, с. 328]. Однако судебная практика идет по иному пути.

Так, Славянским районным судом Краснодарского края рассмотрено уголовное дело в отношении Т. и Ч., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

17 июля 2011 г. в период времени с 22 часов до 23 часов 30 минут, находясь во дворе домовладения, подсудимые Т. и Ч., действуя группой лиц, умышленно, в ходе ссоры, внезапно возникшей на почве личных неприязненных отношений с Т.А.В., имея умысел на причинение тяжкого вреда здоровью Т.А.В., опасного для жизни человека, осознавая, что нанесение ударов руками, ногами и деревянной палкой в жизненно-важные органы человека, а именно в голову, могут причинить тяжкий вред здоровью последнего, понимая и желая этого, осознавая, что совершают общественно-опасное деяние, в результате которого могут наступить общественно-опасные последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, допуская их наступление, но, не предвидя, что в результате их действий может наступить смерть потерпевшего, хотя должны были и могли предвидеть

наступление таковых последствий, нанесли Т.А.В. совместно не менее 6 ударов руками, ногами и деревянным предметом в область головы и туловища, причинив тем самым, своими совместными преступными действиями, согласно заключению эксперта № 229 от 24 августа 2011 г., потерпевшему Т.А.В. телесные повреждения в виде кровоподтека на заднебоковой поверхности грудной клетки слева в верхней трети, кровоподтеков на задних поверхностях локтевых суставов, ссадины на задней поверхности левого локтевого сустава, которые не влекут за собой причинение вреда здоровью, а также закрытой тупой черепно-мозговой травмы, множественных кровоподтеков на лице (семь), ссадины на лице, кровоизлияния на внутренней поверхности верхней и нижней губы слева, кровоизлиянии в кожно-мышечный лоскут головы в теменно-височной области справа, которое квалифицируется как причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни и состоит в прямой причинно-следственной связи с наступлением смерти Т.А.В., которая наступила 18 июля 2011 г. в 23 час. 35 мин. в реанимационном отделении Славянской ЦРБ, в результате закрытой черепно-мозговой травмы с ушибом головного мозга тяжелой степени.

Действия Ч. и Д. были квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, группой лиц [72].

Таким образом, судебная практика считает возможным соучастие в совершении преступлений с двумя формами вины.

Данная позиция видится спорной по следующим основаниям.

Прежде всего, фактически, в данном случае речь идет об эксцессе исполнителя, когда исполнитель, выходя за рамки общего умысла (причинение тяжкого вреда здоровью) причиняет более тяжкие последствия (смерть). Привлекать за такие действия остальных соучастников было бы неверным и в соответствии с принципом субъективного вменения, и с учетом

того, что, находясь они на месте исполнителя, они могли бы не выполнять таких действий, которыми по неосторожности была причинена смерть.

В случае совершения преступления с неосторожной формой вины несколькими лицами их действия должны квалифицироваться в соответствии с правилами неосторожного сопричинения, соответственно, такие квалифицирующие признаки, как совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой вменяться не должны.

Одним проблемным вопросом является вопрос отграничения преступлений с двумя формами вины от неосторожных преступлений. Здесь следует исходить из того, к чему относится неклассифицированный состав преступления. Так, например, ч. 1 ст. 123 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, то есть, за умышленное преступление. При наступлении последствий, предусмотренных ч. 3 данной статьи, если такие действия повлекли по неосторожности смерть потерпевшей или причинение тяжкого вреда, данное лицо становится преступлением с двумя формами вины. Здесь просматривается обычная конструкция преступления с двойной формой вины – основной состав всегда является умышленным преступлением, независимо от наступивших последствий, а при наличии неосторожного последствия превращается в сложный состав преступления.

В то же время, например, ч. 1 ст. 264 УК РФ предусматривает ответственность только в том случае, если потерпевшему причинен тяжкий вред здоровью, то есть, умышленное нарушение правил само по себе не является умышленным преступлением, для признания такого деяния уголовно-наказуемым требуется наступление неосторожных последствий в виде тяжкого вреда здоровью. Таким образом, в рассматриваемой статье основной состав преступления является неосторожным, при наступлении квалифицирующих последствий вина является неосторожной как по

отношению к основному составу преступления, так и к квалифицированному последствию.

Таким образом, разграничение преступлений с двумя формами вины и неосторожных преступлений производится по форме вины совершения основного преступления, в неосторожных преступлениях такая вина всегда неосторожна, а в преступлениях с двойной формой вины такая вина всегда умышленна.

В случае совершения преступления с неосторожной формой вины несколькими лицами их действия должны квалифицироваться в соответствии с правилами неосторожного сопричинения, соответственно, такие квалифицирующие признаки, как совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой вменяться не должны.

Глава 4 Смешанная форма вины в уголовном праве и ее значение для квалификации преступлений

Уголовный кодекс РФ не содержит положений о смешанной форме вины. В то время как в доктрине понятие смешанной формы вины используется. Более того, иногда смешанная форма вины отождествляется с двойной формой вины.

В.А. Якушин сущность смешанной формы вины видит в наличии законодательно установленной совокупности правонарушения и преступления [98, с. 151]. Данная совокупность проявляется в умышленном нарушении каких-либо специальных правил или требований безопасности, повлекшие уголовно-правовые последствия, по отношению к которым имеется неосторожная форма вины [98, с. 151].

При этом не все ученые поддерживают позицию выделения смешанной формы вины. К примеру, Ф.Р. Сундуров и И.А. Тарханов считают, что психическое отношение виновного к действиям (бездействию) и общественно опасным последствиям в правонарушениях и преступлениях не может быть одинаковым, так как осознание противоправного поведения не означает умышленной вины в уголовно-правовом аспекте [85, с. 352]. Иными словами, элементом субъективной стороны преступления не может являться виновное отношение к правонарушению.

Однако, В.А. Якушин, возражая обозначенной выше позиции, отмечает, что в правонарушениях, являющихся формальными составами, при установлении субъективной стороны состава не требуется определять содержание психического отношения к последствиям. Более того, лицо, уже осознавая опасность совершаемых им действий, проявляет свое отношение к посягаемому им благу посредством таких действий [98, с. 152].

В целом, автор настоящей выпускной квалификационной работы, соглашается с теми учеными, которые считают, что в нормах Особенной части действующего УК РФ наличествует смешанная форма вины в некоторых

составах преступлений [98, с. 152; 25]. В частности, к таким составам относятся преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 215, 215.1, 216, 217, 217.1, 218, ч. 1 ст. 263, ч. 1 ст. 264, ч. 1 ст. 264.1, ч. 1 ст. 268, ст. 271, 271.1, 274 и др. ст. УК РФ.

Так, ст. 215 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики.

В ст. 6 Федерального закона «Об использовании атомной энергии» [89] определено, что федеральные нормы и правила в области использования атомной энергии - это нормативные правовые акты, устанавливающие требования к безопасному использованию атомной энергии, включая требования безопасности объектов использования атомной энергии, требования безопасности деятельности в области использования атомной энергии, в том числе цели, принципы и критерии безопасности, соблюдение которых обязательно при осуществлении деятельности в области использования атомной энергии.

Состав ст. 215 УК РФ сформулирован как материальный, т.е. предполагает обязательное наличие последствий в виде смерти человека, тяжкого вреда его здоровью или радиоактивное заражение окружающей среды. Поэтому, исходя из материальной природы исследуемого состава преступления, вина лица должна устанавливаться как к деянию, так и к его последствиям, что вытекает из принципа вины, закрепленного в ч. 1 ст. 5 УК РФ. Кроме того, исходя из многообъектности преступного нарушения правил безопасности на объектах атомной энергетики, в психике виновного должны отразиться основной и дополнительный объекты, при отсутствии которых, действия виновного не могут быть квалифицированы на ст. 215 УК РФ.

В связи с тем, что непосредственно в диспозиции ст. 215 УК РФ не указано на форму вины по отношению к действиям, связанным с нарушением правил безопасности на объектах атомной энергетики, в науке возникают споры. К примеру, И.М. Тяжкова, исходя из ч. 2 ст. 24 УК РФ делает вывод о

том, что рассматриваемое деяния совершается только по неосторожности [84, с. 236-237].

Однако, Р.В. Закомолдин справедливо полагает, что нарушаться специальные правила могут в любой форме вины, т.е. как только умышленно или только по неосторожности, так и как умышленно, так и по неосторожности [25]. В тоже время, психическое отношение к последствиям, как вытекает из ч. 2 и 3 ст. 215 УК РФ возможно только в форме неосторожной вины. Если же виновный нарушал правила безопасности на объектах атомной энергетики имея прямой умысел на причинение смерти человеку или радиоактивное заражение окружающей среды, то его действия будут квалифицировать по ст. 281, ч. 2 ст. 105 или ст. 358 УК РФ. Именно в этих составах преступления нарушение специальных правил будет являться способом их совершения.

Поэтому, следует согласиться с Р.В. Закомолдиным в том, что состав нарушения правил безопасности на объектах атомной энергетики характеризуется двойной смешанной формой вины. По отношению к деянию – это умысел или неосторожность, а к последствиям – только неосторожная форма вины [25].

Таким же образом устанавливается вина и в составе нарушения требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса (ст. 217.1 УК РФ). Данный состав преступления также является материальным, поэтому вину необходимо установить как к совершенному деянию, так и к наступившим последствиям. При этом, в виду того, что законодатель не отразил в диспозиции ст. 217.1 УК РФ позицию отношения формы вины к действиям виновного, то психическое отношение виновного по отношению к совершаемому им деянию может быть совершено в любой форме вины (только умышленно или только по неосторожности, умышленно, или неосторожно). Относительно психического отношения к наступившим последствиям законодатель установил неосторожную форму вины. Следовательно, если по отношению к последствиям будет установлена умышленная форма вины, то

нарушения требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса являются способом совершения преступлений против соответствующих благ (террористический акт или диверсия).

Состав же ст. 217.1 УК РФ с субъективной стороны, характеризуясь смешанной формой вины по отношению к деянию и к наступившим последствиям, признается неосторожным, так как определяющим является психическое отношение виновного только к наступившим последствиям, указанным непосредственно в диспозиции рассматриваемой нормы УК РФ.

Смешанная природа вины имеет место и в составе нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ (ст. 216 УК РФ).

Можно привести следующий пример квалификации действий виновного по ст. 216 УК РФ.

Смирнов допустил осуществление опасных работ работником трубопроводчиком линейным Я. без применения специальных индивидуальных средств защиты, что привело к его отравлению, в последующем, в неконтролируемой Смирновым обстановке, в опасную для жизни и здоровья зону в отсутствие средств защиты при проведения спасательных работ в отношении Я. попал водитель Я., трубопроводчик И., а в последствии водитель К и сам Смирнов. В результате острого отравления нефтепродуктами наступила смерть К на месте происшествия.

Смирнов был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 216 УК РФ [67].

Смешанная форма вины присуща и составу прекращения или ограничения подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения (ст. 215.1 УК РФ), в котором законодатель смешал правонарушение и преступление.

Действительно, нарушение порядка полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, порядка ограничения и прекращения подачи тепловой энергии, правил ограничения

подачи (поставки) и отбора газа либо порядка временного прекращения или ограничения водоснабжения, водоотведения, транспортировки воды и (или) сточных вод является административно наказуемым правонарушением, ответственность за которое предусмотрена ст. 9.22 КоАП РФ [30].

Уголовно-наказуемым данные действия признаются только в случае наступления последствий в виде, указанных в диспозиции ч. 1 и 2 ст. 215.1 УК РФ, а именно, причинение крупного ущерба, тяжкого вреда здоровью, иные тяжкие последствия или смерть человека. Законодатель по отношению к данным последствиям указал на неосторожную форму вины, в то время как по отношению к деянию вина может быть как неосторожной, так и умышленной. Однако определяющим в данном составе преступления является психическое отношение виновного именно к последствиям. Поэтому, действия виновного будут квалифицированы по ст. 215.1 УК РФ только в случае если психическое отношение к наступившим последствиям имело форму неосторожности [25].

Интересен такой пример из судебной практики, когда переqualифицируя действия М. с ч. 1 ст. 215.1 УК РФ, предъявленной ему органами предварительного следствия, на ч. 1 ст. 330 УК РФ, суд не учел, что преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 215.1 УК РФ, совершаются с неосторожной формой вины по отношению к наступившим последствиям в виде причинения крупного ущерба, а совершение преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ, предполагает наличие умысла на причинение существенного вреда.

Допущенные судом нарушения, повлиявшие на исход дела, повлекли отмену судебных постановлений с направлением дела на новое судебное рассмотрение [59].

В ст. 219 УК РФ, предусматривающей ответственность за нарушение требований пожарной безопасности, законодатель также смешал правонарушение и преступление. Так, за нарушение требований пожарной безопасности предусмотрена ответственность ст. 20.4 КоАП РФ. Однако, если такие действия влекут последствия, указанные в ст. 219 УК РФ, то речь идет

об уголовно-наказуемом деянии. При этом, в диспозиции ст. 219 УК РФ указано, что психическое отношение виновного к уголовно-наказуемым последствиям может быть выражено в виде неосторожной формы вины, что является определяющим в рассматриваемом составе преступления.

Следует обратить внимание на то, что еще в советском уголовном праве было высказано предложение о включении в Общую часть уголовного закона виды совершения преступлений с двумя формами вины, одним из которых является смешанная форма вины [17, с. 16].

Однако, с данным предложением не представляется возможным согласиться, что можно подтвердить на практике применения ст. 264 УК РФ.

Так, судом был вынесен приговор в отношении Н., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ, максимальное наказание за которое составляет 7 лет лишения свободы. Назначая Н. наказание, суд учел, что в силу ч. 3 ст. 15 УК РФ преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 264 УК РФ, относится к категории преступлений средней тяжести [71].

Если бы преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ законодателем было бы отнесено к преступлениям с двумя формами вины, и, соответственно, расценивалось бы как умышленное, на основании ст. 15 УК РФ, то ч. 4 ст. 264 УК РФ должна была бы рассматриваться как тяжкое преступление, поскольку максимальное наказание за совершение данного преступления превышает 5 лет лишения свободы. Однако судом была сделана ссылка на ч. 3 ст. 15 УК РФ, где указывается, что преступлениями средней тяжести признаются неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, превышает три года лишения свободы.

Таким образом, судебная практика никогда не рассматривает преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ в качестве умышленного преступления, хотя, если придерживаться позиции того, что умышленное нарушение правил, влекущее по неосторожности причинение тяжких последствий, относится к категории преступлений с двумя формами вины, то

оно должно считаться в целом умышленным преступлением в соответствии со ст. 27 УК РФ. Об этом уже говорилось выше, но следует подчеркнуть еще раз - умышленное нарушение правил, не являющееся само по себе простым составом преступления, влекущее по неосторожности наступление тяжких последствий, при которых деяние является уголовно-наказуемым, не должно относиться к категории преступлений с двойной формой вины. В уголовном праве установлению подлежит только вина, относящаяся к совершению уголовно-наказуемых деяний, соответственно, форма вины при нарушении правил, не образующих самостоятельного состава преступления, значения для квалификации деяния иметь не может, здесь главной является вина, относящаяся к уголовно-наказуемому деянию, например, причинению при нарушении правил дорожного движения тяжкого вреда здоровью либо смерти, а она в таких случаях всегда неосторожная. Следовательно, речь идет о смешанной форме вины.

Таким образом, в заключении четвертой главы, рассмотрев смешанную форму вины в уголовном праве, следует сделать следующие выводы

- Несмотря на то, что Уголовный кодекс РФ не содержит положений о смешанной форме вины, в нормах его Особенной части наличествует смешанная форма вины в некоторых составах преступлений. В частности, к таким составам относятся преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 215, 215.1, 216, 217, 217.1, 218, ч. 1 ст. 263, ч. 1 ст. 264, ч. 1 ст. 264.1, ч. 1 ст. 268, ст. 271, 271.1, 274 и др. ст. УК РФ.
- Сущность смешанной формы вины состоит в законодательно установленной совокупности правонарушения и преступления, которая проявляется в умышленном нарушении каких-либо специальных правил или требований безопасности, повлекшие уголовно-правовые последствия, по отношению к которым имеется неосторожная форма вины.

- С целью обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в интересах законности в действующем уголовном законе необходимо закрепить правила уголовно-правовой оценки деяния при смешанной форме вины, включив самостоятельную ст. 27.1 УК РФ в следующей редакции: «Если в результате совершения умышленного нарушения специальных правил и требований безопасности, являющихся административно-наказуемыми деяниями причиняются последствия, которые по закону влекут уголовную ответственность и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным неосторожно».

Заключение

Проведенное исследование форм вины в рамках настоящей выпускной квалификационной работы, позволяет сделать следующие выводы и предложения.

Во-первых, в уголовном праве вина представляет собой психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому общественно опасному деянию, в котором проявляется его асоциальная установка о важнейших социальных ценностях.

В УК РФ определения вины не содержится, но представляется необходимым закрепить его в нормах уголовного законодательства в ст. 24 УК РФ в следующем виде:

«Под виной в настоящем Кодексе понимается психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и к тем общественно опасным последствиям, которые наступили в результате его совершения или могли наступить».

Во-вторых, вина может существовать в разных формах, значение которых состоит в следующем:

- форма вины представляет собой субъективную границу, отделяющую преступное поведение от непроступного. Данное значение проявляется в случаях, когда законодатель предусмотрел уголовную ответственность исключительно за общественно опасное деяние, совершенное умышленно;
- в случаях, когда уголовная ответственность за совершение общественно опасных деяний, сходных по объективным признакам, но различающихся по форме вины, дифференцирована, форма вины определяет квалификацию преступлений;
- примерами таких преступлений являются убийство и причинение смерти по неосторожности; умышленное уничтожение или

повреждение чужого имущества и уничтожение или повреждение чужого имущества по неосторожности;

- в некоторых случаях форма вины выступает основанием законодательной дифференциации уголовной ответственности, когда одно и то же деяние при совершении умышленно наказывается гораздо строже, чем при неосторожности;
- вид умысла, не оказывая влияния на квалификацию, может являться важным критерием индивидуализации уголовной ответственности и наказания;
- форма вины влияет на условия отбывания наказания в виде лишения свободы, поскольку за совершенные неосторожные и умышленные преступления лица отбывают наказания в разных учреждениях.

В целом, под формами вины следует понимать законодательно закрепленные комбинации интеллектуальных и волевых элементов, показывающих качественное различие в уровне интенсивности и определенности психического отношения виновного к общественно опасному деянию и его последствиям.

При совершении уголовно наказуемых деяний вина может быть умышленной либо неосторожной.

В-третьих, наиболее распространенной формой вины является умысел. Умышленная форма вины означает, что лицо, осознавая общественную опасность своих действий (бездействия), предвидя неизбежность либо возможность наступления общественно опасных последствий либо желает их наступления, либо не желает, но сознательно допускает их наступление либо относится к ним безразлично.

В-четвертых, умысел классифицируется по различным основаниям, но для квалификации деяния наиболее существенным является подразделение умысла на прямой и косвенный.

В зависимости от времени возникновения умысла выделяют:

- заранее обдуманный умысел;

- внезапно возникший умысел.

Разновидностями заранее обдуманного и внезапно возникшего умысла, является аффектированный умысел.

В зависимости от степени определенности, на:

- конкретизированный умысел, который в свою очередь делится на простой и альтернативный;
- неконкретизированный умысел.

В-пятых, в преступлениях с двумя формами вины неоконченная преступная деятельность иметь места не может. Однако, существуют ситуации, когда умышленное преступление до конца не доведено, однако неосторожные общественно опасные последствия наступили, данные ситуации уголовным правом России не регулируются, представляется необходимым заполнить данный пробел путем внесения дополнений в ст. 27 УК РФ.

Поскольку соучастие может иметь место исключительно в умышленных составах, представляется, что соучастия в преступлении с двойной формой вины существовать не может. С целью недопущения разнообразного толкования данного вопроса представляется необходимым внести дополнения в ст. 36 УК РФ, которые изложить следующим образом:

«При совершении в соучастии преступления с двойной формой вины действия исполнителя относительно неосторожно причиненного последствия представляют собой эксцесс, в то время как другие соучастники преступления подлежат уголовной ответственности за причиненные последствия, охватываемые их умыслом».

Преступления с двумя формами вины следует отличать от идеальной совокупности преступлений, а также от умышленных и неосторожных составов.

С учетом всего вышесказанного представляется целесообразным изложить ст. 27 УК РФ в следующей редакции:

«Если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, причинение данных последствий расценивается как неосторожное. Такое преступление признается совершенным с двумя формами вины и влечет уголовно-правовые последствия как умышленное преступление.

В случае, если умышленное преступление не доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам, однако тяжкие последствия наступили, действия виновного должны квалифицироваться по совокупности деяний как неоконченное умышленное преступление и оконченное неосторожное преступление, ответственность за которое предусмотрена соответствующей нормой настоящего Кодекса».

В-шестых, второй формой вины является неосторожность, которая может быть реализована в форме легкомыслия либо небрежности.

Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение.

Преступлением, совершенным по небрежности, является деяние, при совершении которого лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть.

В-седьмых, проблемы дифференциации ответственности за неосторожные преступления должна быть решена путем подразделения неосторожных деяний на две категории в зависимости от характера и степени общественной опасности. В качестве критерия целесообразно использовать максимальный размер санкции статьи Особенной части УК РФ, устанавливающей ответственность за конкретное неосторожное преступление.

Часть 3 ст. 15 УК РФ целесообразно изложить в следующей редакции:

«Неосторожные преступления подразделяются на:

- 1) не повлекшие особо тяжких последствий, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное санкцией статьи Особенной части настоящего Кодекса не превышает пяти лет лишения свободы;
- 2) повлекшие особо тяжкие последствия, за совершение которых санкцией статьи Особенной части настоящего Кодекса предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет».

Отсутствие указания в УК РФ на возможность соучастия в совершении неосторожного преступления означает, что такое соучастие невозможно. Это объясняется тем фактом, что неосторожность исключает необходимую виновную связь по поводу совершения преступления между оказавшимися причастными к нему лицами. В таком случае отсутствует такой субъективный признак соучастия, как согласованность, поэтому каждый из виновных лиц несет ответственность только за свои неосторожные действия самостоятельно и независимо от другого.

В случае совершения преступления с неосторожной формой вины несколькими лицами их действия должны квалифицироваться в соответствии с правилами неосторожного сопричинения, соответственно, такие квалифицирующие признаки, как совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой вменяться не должны.

В-осьмых, несмотря на то, что Уголовный кодекс РФ не содержит положений о смешанной форме вины, в нормах его Особенной части наличествует смешанная форма вины в некоторых составах преступлений. В частности, к таким составам относятся преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 215, 215.1, 216, 217, 217.1, 218, ч. 1 ст. 263, ч. 1 ст. 264, ч. 1 ст. 264.1, ч. 1 ст. 268, ст. 271, 271.1, 274 и др. ст. УК РФ.

Сущность смешанной формы вины состоит в законодательно установленной совокупности правонарушения и преступления, которая

проявляется в умышленном нарушении каких-либо специальных правил или требований безопасности, повлекшие уголовно-правовые последствия, по отношению к которым имеется неосторожная форма вины.

С целью обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в интересах законности в действующем уголовном законе необходимо закрепить правила уголовно-правовой оценки деяния при смешанной форме вины, включив самостоятельную ст. 27.1 УК РФ в следующей редакции:

«Если в результате совершения умышленного нарушения специальных правил и требований безопасности, являющихся административно-наказуемыми деяниями причиняются последствия, которые по закону влекут уголовную ответственность и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным неосторожно».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Антонян Ю.М. Проблемы неосторожной преступности // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 4-6.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29.05.2018 г. № 35-АПУ18-4 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (Дата обращения: 20.04.2021).
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 19.02.2018 г. по делу № 10-1495/2018. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2021).
4. Апелляционное постановление Московского городского суда от 23.10.2019 г. по делу № 10-20317/2019. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2021).
5. Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 27.09.2016 г. № 22-6793/2016 по делу № 1-40/2016. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (Дата обращения: 20.04.2021).
6. Апелляционный приговор Верховного Суда РФ от 21.04.2016 г. № 49-АПУ16-5 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2021).
7. Артюшина О.В. Организация деятельности, направленной на побуждение к суицидальному поведению, как новелла уголовного закона // Уголовное право. 2019. № 5. С. 10-15.
8. Базунов А. Отграничение косвенного умысла от преступной самонадеянности // Советская юстиция. 1973. № 5. С. 5-10.
9. Бибик О.Н. Экономический подход при исследовании категории вины в уголовном праве // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 4. С. 98-105.
10. Борисов А.Б. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Книжный мир, 2015. 779 с.

11. Векленко С. Законодательное определение умышленной вины нуждается в совершенствовании // Уголовное право. 2003. № 1. С. 15-18.
12. Верина Г.В. Субъективная сторона преступления // Уголовное право России. Курс лекций: в 6 т. / Под ред. Б.Т. Разгильдиева. Т. 2. Саратов, 2008. 620 с.
13. Ворошилин Е.В., Кригер Г.А. Субъективная сторона преступления. М., 1987. 317 с.
14. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: Закон, теория, практика. М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. 448 с.
15. Гендин А.М. Предвидение и цель в развитии общества (философско-социологические аспекты социального прогнозирования). Красноярск, 1970. 260 с.
16. Гладких В.И. Приглашение к дискуссии: все ли нас устраивает в современных формах вины и практике их применения? // Российский следователь. 2016. № 3. С. 27-33.
17. Дагель П.С. Неосторожность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. 380 с.
18. Дагель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве // Ученые записки. Вып. 21. Ч. 1. Владивосток, 1968. С. 82-86.
19. Дагель П.С. Совершенствование законодательного определения принципа вины в советском уголовном праве // Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1985. С. 15-20.
20. Дагель П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве // Правоведение. 1969. № 1. С. 71-84.
21. Долгих Т.Н. Понятие и особенности квалификации действий соучастника преступления в форме подстрекательства [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. 2021.
22. Донец С.П. Квалификация преступлений и назначение наказания при наличии квалифицирующих (привилегирующих) признаков с умышленной и

неосторожной формой вины: теоретико-прикладные вопросы // Российский следователь. 2019. № 1. С. 51-57.

23. Дугин А.Т., Калпинская О.Е. Современные концепции вины в уголовном праве В сборнике: Актуальные проблемы юридической науки и практики материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 311-316.

24. Еникеев М.И. Психолого-юридическая сущность вины и вменяемости // Советское государство и право. 1989. № 2. С. 77-84.

25. Закомолдин Р.В. Преступные нарушения специальных правил и требований безопасности: монография. Тольятти: Филиал РГСУ в г. Тольятти, 2013. 168 с.

26. Зверева А.И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничение со смежными деликтами: монография / под ред. Ю.В. Грачевой. М. : Проспект, 2019. 200 с.

27. Иванов С.А. Понятие, основные характеристики и показатели вины в уголовном праве России. Ставрополь, 2005. 140 с.

28. Игнатов А.Н. О понятии вины в уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 3. С. 123-127.

29. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. 3 изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2011. 660 с.

30. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

31. Козельская Н.Л. Неосторожность как форма вины // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. № 2-2. С. 190-194.

32. Колоколов Э.О. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1892-1893. 550 с.

33. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015. Т. 1. 792 с.

34. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 1 : Общая часть. 316 с.
35. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2013. 912 с.
36. Корнакова С.В. Содержание и значение криминалистической характеристики преступления (на примере насильственных половых преступлений, совершенных несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних) // Российский следователь. 2019. № 5. С. 13-17.
37. Кригер Г.А. Разграничение умысла и преступной самонадеянности // Советская юстиция. 1980. № 17. С. 12-15.
38. Кружкова Я.А. Некоторые вопросы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего // Российский следователь. 2011. № 22. С. 17-20.
39. Куликов А.В. Небрежность в Уголовном кодексе РФ: отсутствие вменяемости или разновидность непреодолимой силы? // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 163-172.
40. Курс советского уголовного права. Т. 2. М., 1970. 480 с.
41. Курсаев А.В. Неосторожное сопричинение как проблема в уголовно-правовых исследованиях// Вестник ТГУ. 2011. № 10. С. 328-330.
42. Курченко В.Н. Специфика поддержания обвинения по делам о сбыте наркотиков // Законность. 2019. № 7. С. 8-12.
43. Латыпова Э.Ю. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины, по уголовному праву России и зарубежных стран: Автореф. дисс. ... к.ю.н. Самара, 2009. 180 с.
44. Макашвили В.Г. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957. 212 с.

45. Найбойченко В.В. Дискуссия о понятии вины в российской уголовно-правовой науке // Современная научная мысль. 2014. № 4. С. 197-214.
46. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. 680 с.
47. Нафиков М.М. Проблемы определения субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ (вопросы теории и практики) // Мировой судья. 2010. № 2. С. 25-26.
48. Нерсисян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 320 с.
49. Неустроева А.В. О некоторых закономерностях познания субъективной стороны преступления // Закон и право. 2011. № 8. С. 58-62.
50. Никитина Н.А. Преступление с двумя формами вины: дисс...канд...наук. СПб., 2011. 198 с.
51. Ныркова Н.А. Соучастие в преступлении: современные проблемы уголовно-правовой науки, законодательства и практики // Вестник Российской таможенной академии. 2009. № 1. С. 62-64.
52. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1970. 970 с.
53. Осокин С.Б., Курсаев А.В. К вопросу об обоснованности выделения преступлений с двумя формами вины в Уголовном кодексе РФ и их соотношение с идеальной совокупностью преступлений // Вестник ТГУ. 2011. № 6. С. 257-260.
54. Питецкий В. Критерии преступной небрежности // Советская юстиция. 1986. № 2. С. 17-22.
55. Полякова О.В. Субъективная сторона в преступлениях с двойной формой вины // Право и государство. 2010. № 7. С. 110-114.
56. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и

природопользования». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2021).

57. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2021).

58. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2021).

59. Постановление Президиума Верховного суда Республики Татарстан от 15.10.2014 г. № 44-у-299 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

60. Постановление Президиума Воронежского областного суда от 10.04.2019 г. № 44У-21/2019 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2021).

61. Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 05.10.2015 г. № 44У-168/2015 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2021).

62. Постановление Президиума Приморского краевого суда от 05.09.2014 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2021).

63. Приговор Безенчукского районного суда Самарской области № 1-134/2018 1-7/2019 от 26.02.2019 г. по делу № 1-134/2018 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (Дата обращения: 20.04.2021).

64. Приговор Большеглушицкого районного суда Самарской области № 1-76/2019 от 07.08.2019 г. по делу № 1-76/2019 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (Дата обращения: 20.04.2021).

65. Приговор Еткульского районного суда Челябинской области № 1-32/2019 от 02.07.2019 г. по делу № 1-32/2019 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (Дата обращения: 20.04.2021).

66. Приговор Кировского районного суда г. Самары № 1-538/2018 от 08.11.2018 г. по делу № 1-538/2018. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (Дата обращения: 20.04.2021).

67. Приговор Красноярского районного суда Самарской области № 1-111/2019 от 24.12. 2019 г. по делу № 1-111/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/OiBuhPJi1vJl/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular- (дата обращения: 09.05.2021).

68. Приговор Нальчинского гарнизонного военного суда Кабардино-Балкарской Республики № 1-43/2019 от 03.09.2019 г. по делу № 1-43/2019. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (Дата обращения: 20.04.2021).

69. Приговор Нововаршавского районного суда Омской области № 1-57/2019 от 21.08.2019 г. по делу № 1-57/2019 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (Дата обращения: 20.04.2021).

70. Приговор Октябрьского районного суда г. Самары № 1-154/2018 от 03.09.2018 г. по делу № 1-154/2018. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2021).

71. Приговор Октябрьского районного суда от 30 апреля 2014 года по делу № 1-24/2014 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (Дата обращения: 20.04.2021).

72. Приговор Славянского районного суда Краснодарского края от 18.01.2012 г. по делу № 1-144/2011 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (Дата обращения: 20.04.2021).

73. Рарог А.М. Общая теория вины в уголовном праве. М., 1980. 210 с.

74. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 412 с.

75. Рубинштейн СЛ. Основы общей психологии. М., 1946. 723 с.

76. Скляров С. Проблемы определения понятия вины в уголовном праве России // Уголовное право. 2003. № 2. С. 72-77.

77. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2020 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 08.05.2021 г.).

78. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – март 2021 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 08.05.2021 г.).

79. Справка по результатам обобщения судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с хищением найденного или забытого имущества (подготовлена судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Республики Карелия 21.11.2018). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2021).

80. Стрельников А. Вина по новому УК РФ // Юридическая газета. 1997. № 10. С. 3-6.

81. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. Т. 1. М., 1994. 622 с.

82. Ткаченко В.И. Вина: понятие, виды // Теисе-ПраВО. 1989. Т. 22. С. 20-24.

83. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. 249 с.

84. Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / Под ред. В.С. Комиссарова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 680 с.

85. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2009. 751 с.

86. Уголовное право. Общая часть. Учеб. для бакалавров / Чучаев А. и др. М. : Проспект; ТК Велби, 2012. 580 с.

87. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.04.2021).

88. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950. 240 с.

89. Федеральный закон от 21.11.1995 г. № 170-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об использовании атомной энергии» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4552.

90. Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970. 260 с.

91. Хрестоматия по истории государства и права России / Под ред. Титова Ю.П. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2012. 680 с.

92. Чельцов М. Спорные вопросы учения о преступлении // Социалистическая законность. 1947. № 4. С. 8-9.

93. Шавгулидзе Т.Г. О третьей форме вины в уголовном праве // Правовые исследования. Тбилиси, 1977. С. 85-90.

94. Ширяев А.Ю. Уголовно-правовое понятие вины в контексте социально-культурной парадигмы ответственности // Российский юридический журнал. 2010. № 3(72). С. 19-22.

95. Явич Л.С. Необходимость и случайность, возможность и действительность в праве // Методологические проблемы советской юридической науки. М., 1980. С. 67-70.

96. Язовских Ю.А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 33 с.

97. Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988. 214 с.

98. Якушин В.А. Субъективное вменение. Тольятти, 1998. 220 с.